

© 2008 г. Г.С. СТАРОСТИН

СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ !ХОНГ

Статья посвящена детальному разбору системы именных согласовательных классов языка !хонг (южно-койсанская языковая семья). Основной вывод заключается в том, что в основе классной системы !хонг лежит категория отчуждаемости, имеющая три возможных значения («отчуждаемый», «неотчуждаемый», «нейтральный»), которые соответствуют трем именным классам этого языка. Следы того, что эта категория когда-то была словоизменительной, до сих пор сохраняются в !хонг в виде реликтовых явлений. Поскольку с точки зрения устройства морфологии имени !хонг является наиболее сложным из всех известных на сегодняшний день койсанских языков, работа содержит также элементы формообразовательного, морфонологического и даже тонального анализа особенностей этого языка.

0. ВВЕДЕНИЕ

Язык !хонг (!Х6б), на котором говорят несколько сотен человек в юго-западной Ботсване и ряде районов Намибии, является на настоящий момент последним живым представителем так называемой южно-койсанской семьи языков, некогда распространенной на значительной части территории этих стран, а также современной ЮАР¹. Значение, которое имеет профессиональное описание этого языка для койсанского и африканского языкознания в целом, трудно переоценить, поскольку южно-койсанские языки в меньшей степени, чем северно-койсанские и центрально-койсанские, подверглись внешнему воздействию как языков банту, так и европейских языков, и, таким образом, в своем языковом строе могут сохранять чрезвычайно архаичные «исконно койсанские» черты не только в области фонетики, но и грамматического строя. При этом, однако, все имеющиеся у нас описания ныне мертвых южно-койсанских языков принадлежат исследователям, работавшим в конце XIX – первой половине XX века (В. Блик, Л. Ллойд – язык |хам [Bleek 1911] и др.; Д. Блик – языки //нг [Bleek 2000], |ауни [Bleek 1937]; Р. Стори – язык |хааси [Story 1999] и др.); большинство из них достаточно поверхностно и к тому же крайне малоудовлетворительно с точки зрения точности фонетической записи и адекватности морфологического и лексического описания.

Неудивительно поэтому, что появление детального, подробно откомментированного и снабженного фонетическими и морфологическими пометами словаря языка !хонг [Traill 1994] было в свое время отмечено специалистами как своеобразная веха в койсанском языкознании. Наибольший интерес при этом вызвала фонологическая система !хонг, которая, если верить Э. Трэйллу, насчитывает 126 согласных фонем, 83 из которых представляют собой так называемые «кликсы» (щелчковые) – максимально богатый из всех известных на сегодняшний день инвентарей (так, по общему числу

¹ Несколько лет тому назад в ЮАР был практически случайно обнаружен ряд пожилых носителей языка н|уки, также относящегося к южно-койсанской семье; к сожалению, он уже не является для них основным языком общения, а о молодых носителях н|уки говорить явно не приходится. Подробнее о н|уки см. [Crawhall 2004].

кликсов !хонг превышает, например, язык нама приблизительно в четыре раза). Именно на примере языка !хонг были впервые открыты такие интересные фонологические противопоставления, как «назализация кликса vs. преназализация кликса», «кликс с исходом на простой vs. абруптивный увулярный» и некоторые другие (подробное описание системы кликсов в !хонг см., в частности, в [Ladefoged, Traill 1994]).

Нужно, однако, подчеркнуть, что – по крайней мере, по сравнению с другими койсанскими языками – ничуть не меньший интерес !хонг представляет и в морфологическом отношении. Судя по имеющимся описаниям, глагольная морфология !хонг относительно бедна (основная масса грамматических значений выражается здесь при помощи препозитивных частиц), однако в области именной морфологии !хонг значительно выделяется даже на фоне близкородственных ему языков.

Во-первых, судя по краткому грамматическому описанию Трэйлла [Traill 1994: 7–43], !хонг – единственный из известных нам койсанских языков, где обнаруживается хорошо развитая система согласовательных классов. В прочих койсанских языках обычно отмечают либо наличие родовых противопоставлений (центрально-койсанские языки – нама, наро и пр.; подробнее см. [Vossen 1997]), либо ситуацию, когда скрытые классные противопоставления у существительных проявляются лишь в случае их анафорического замещения личными местоимениями (северно-койсанские языки, см. [Snyman 1970]). Напротив, в !хонг классная принадлежность имени может (хотя и не обязана, т.е. по отдельно взятой именной форме, как правило, нельзя определить именной класс) выражаться как в составе самого имени, так и в составе синтаксически связанных с ним членов предложения; ср. примеры, приводимые Трэйллом:

ñ à	nà-i	ǁ-i	!xà-i	t-í	ʔâa	îi	k-ì
я <i>претерит</i>	видеть	лев	большой	REL ₁	мертвый	связка	REL ₂
ñ à	nà-a ⁰	ǂâ-a ⁰	!xà-a ⁰	t-a ⁰	ʔâa	îi	k-a ⁰
я <i>претерит</i>	видеть	кость	большой	REL ₁	сломанный	связка	REL ₂
ñ à	nà-e	!ʔû-le	!xà-e	t-ē	ʔâa	îi	k-ē
я <i>претерит</i>	видеть	блюдо	большой	REL ₁	сломанный	связка	REL ₂

Во-вторых, в !хонг налицо, по-видимому, наибольшее разнообразие (опять-таки по сравнению с прочими койсанскими языками) способов выражения значения множественного числа. Как правило, в каждом отдельно взятом койсанском языке можно зафиксировать один-два продуктивных суффикса множественного числа (в центрально-койсанских – по одному для каждого из трех родов), присоединяемых непосредственно к основе, и этого вполне достаточно для образования соответствующих форм подавляющего большинства существительных. Во всех языках, помимо этого, имеются отдельные случаи супплетивизма; засвидетельствовано также образование мн.ч. с помощью частичной или полной редупликации (в таких южно-койсанских языках, как |хам и др.). В !хонг редупликация как регулярное грамматическое средство, по-видимому, отсутствует, однако вместо этого наблюдается колоссальное количество нетривиальных морфонологических чередований, далеко не всегда предсказуемых и вынуждающих Э. Трэйлла регулярно приводить в своем словаре форму мн.ч. в качестве второй обязательной.

К сожалению, детального грамматического описания !хонг, по степени удовлетворительности соответствовавшего бы уровню словаря, на настоящий день ни Трэйллом, ни каким-либо другим исследователем-койсанологом предложено не было. В связи с этим, в частности, крайне насущным остается вопрос о причинах такого удивительного разнообразия способов образования множественного числа в этом языке и возможности сведения их к минимальному количеству обобщенных моделей. Этот вопрос, в свою очередь, оказывается тесно переплетенным с проблемой происхождения и общего функционирования классной системы в именных парадигмах !хонг, т.к. для правильного выделения формантов множественного числа нужно, естественно, уметь

выделять и форманты единственного, иногда совпадающие по своему сегментному составу с согласовательными суффиксальными элементами соответствующих классов (ср. в приведенных выше примерах – |á-í «лев» при |xà-í «большой» и т.п.). Данная работа представляет собой попытку дать хотя бы относительно удовлетворительный ответ на эти вопросы.

1. ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ В !ХОНГ

1.1. Количество выделяемых классов

Э. Трэйлл считает возможным распределить все именные словоформы !хонг по 5 классам в зависимости от того, какой из пяти возможных согласователей (1-й класс: -í; 2-й класс: -a⁰; 3-й класс: -e; 4-й класс: -u; 5-й класс: -n) употребляется при наличии в предложении данной словоформы.

Отметим сразу же, что 5-й класс – «дефектный»; к нему из всего многообразия именных форм !хонг относятся лишь три слова – личное местоимение ñ «я», tháa «вещь» и |qàa-bà «небольшой кусочек». В связи с этим в дальнейшем мы будем исключать 5-й класс из нашего рассмотрения (тем более что несупплетивной формы мн.ч. у местоимения «я» в !хонг нет, а слово tháa образует мн.ч. по аддитивной модели – thá-ní, см. 3.1.3).

Далее, бросается в глаза очевидная связь между 1-м и 4-м классами. Все без исключения существительные 4-го класса имеют значение множественного числа; при этом подавляющее большинство соответствующих им форм единственного числа относится к 1-му классу, напр., !xúu (1) – !xúu-tê (4) «трубка»; //àhbi (1) – //àhbu-tê (4) «куча» и т.п. Данное распределение, однако, не является полным, так как имеется небольшое количество имен 1-го класса, образующего формы мн.ч. 2-го или того же 1-го класса (ср. //qhùì (1) – //qhùà-tê «рогатая гадюка»; gòho⁰ (1) – gòha⁰-tê (2) «гной»), равно как и форм мн.ч. 4-го класса, соответствующих формам ед. ч. 2-го и 3-го классов (ср. //àhi (3) – //àhba-tê (4) «взрослый самец антилопы»; //gà?m (2) – //gà?ma-tê (4) «ноготь»). Наличие таких случаев не позволяет нам формально свести оба класса к одному. Однако ни одна из парадигм типа 1/1, 1/2, 2/4, 3/4 не является по-настоящему продуктивной, и не исключено даже, что в ряде случаев Трэйллом были зафиксированы просто ошибочные формы, особенно когда речь идет об именах, крайне редко используемых в форме мн.ч. (таких как «гной» и др.). Поэтому для удобства мы будем в дальнейшем говорить о едином классе 1/4, или просто о 1-м классе.

Можно утверждать, что по крайней мере в единственном числе налицо строго троичное противопоставление – 1-й класс, характеризующийся согласователем -í; 2-й класс с согласователем -a⁰; 3-й класс с согласователем -e.

1.2. Семантическая интерпретация классных различий

Здесь ситуация выглядит достаточно запутанно. Более или менее очевидно, что обозначенное нами троичное противопоставление не имеет никакого отношения к дифференциации по половому признаку. Так, в один и тот же класс (3-й) попадают слова àa «отец», qáe «мать», tâa «человек»; ко 2-му классу, напротив, относится как слово !náu «юноша», так и //gàì «самка» и т.д. Равным образом невозможным оказывается выделить какую-либо семантическую доминанту и по другим типологическим признакам, отмеченным в языках Африки; части тела, названия животных, растений, артефактов, длинных/коротких предметов и т.п. более или менее равномерно распределены по всем трем классам. В самом общем случае, таким образом, связь между семантикой имени и его классной характеристикой приходится признать полностью произвольной.

Стоит, однако, обратить внимание на одно исключительно важное явление, которое позволяет по крайней мере в историческом плане пролить свет на происхождение классных различий в !хонг. Речь идет о категории отчуждаемости, которая, судя по

описанию Трэйлла, для большинства существительных является классифицирующей и выражается в том, что «неотчуждаемые» имена присоединяют к себе посессивное определение без участия каких-либо служебных морфем ($\bar{n}$ àa «мой отец»), а «отчуждаемые» – исключительно с помощью служебной частицы |V (V = гласный согласователя, изменяющийся в зависимости от класса), напр. qûje |è ≠qhûe «смерч» (букв. «востер страуса»), èh |ī g!kx?um «его родня» и т.п. Однако для небольшой группы имен, в основном частей тела, эта категория является словоизменительной, так как слова из этой группы могут присоединять определение обоими способами в зависимости от степени отчуждаемости. При этом «отчуждаемая» форма слова будет, как правило, формально относиться к 3-му классу, а «неотчуждаемая» – ко 2-му; иногда данное противопоставление сопровождается также различиями в тональной характеристике. Ср. отчуждаемые формы: |nān (3) «голова» (отдельно от тела), !ûe «ягодица» (напр., отрезанная у животного) (3); неотчуждаемые формы тех же слов: |nān (2), !ûe (2).

Отталкиваясь от этого противопоставления, можно предположить, что в историческом плане слова 3-го класса восходят к лексемам, по умолчанию являющимся «отчуждаемыми», т.е. не составляющими интуитивно неотъемлемого единства со своим посессором, а слова 2-го класса – к лексемам, по умолчанию являющимся «неотчуждаемыми», т.е. образующими с посессором семантически детерминированную связь. Приведем еще несколько косвенных аргументов в пользу данной гипотезы:

а) большинство слов, обозначающих части тела, но не зафиксированных в дублетах типа |nān (3) – |nān (2), относятся ко 2-му классу (?|nān «язык», !nōhm «гортань», ≠ûe «рот» и т.п.). Небольшая группа соматических терминов, неразрывно связанная с 3-м классом, в большинстве обозначает части тела не человека, а только животных (ср. //āe⁰ «рог», g!xâ?je «вымя», dūh?e «страусиное перо» и т.п.), что, возможно, связано с частым употреблением этих слов в «отчуждаемой» функции как частей туши уже разделанного животного. О словах, обозначающих части тела, но относящихся к 1-му классу, см. ниже;

б) как замечает Э. Трэйлл, подавляющее большинство относительно недавних заимствований как из европейских языков (английский, африкаанс), так и из банту относятся в ед. ч. к 3-му классу (в мн.ч. – к 4-му). 3-й класс, таким образом, является более продуктивным, нежели 2-й, что вполне естественно в отношении значения «отчуждаемость», менее маркированного, чем «неотчуждаемость»;

в) Трэйлл обращает внимание на следующую любопытную особенность образования композитов в !хонг: несмотря на то, что, как уже говорилось выше, слова àa «отец» и qāe «мать» сами по себе относятся к 3-му классу, все образованные с их участием композиты относятся ко 2-му классу. Ср., напр., sōo «лекарство» (1) + àa (3) > sōo-àa «знахарь», букв. «лекарства-отец» (2); !āe «зима» (3) + qāe (3) > !āe-qāe «разгар зимы», букв. «зимы-мать» (2) и др. Если и здесь принять за исходное противопоставление по отчуждаемости/неотчуждаемости, это легко объясняет соответствующие изменения в классной характеристике: необходимая идиоматизация композита достигается здесь через установление максимально тесной связи между определяемым словом и определением.

Разумеется, не существует какого-либо единого логического обоснования, позволившего бы легко объяснить наблюдаемое распределение между словами 2-го и 3-го класса. Так, ко 2-му классу относится слово g//qhāa «стрела с костяным наконечником», к 3-му – //qhāa «палка-копалка»; ко 2-му – !āhla «вид дерева (*Ochna pulchra*)», к 3-му – !ūla «вид дерева (*Acacia luederitzii*)» и т.п. Тем не менее, при одновременном учетывании как обозначенного здесь семантического фактора, так и внешнего вида словоформы (см. 1.3) оказывается возможным предсказать класс того или иного существительного (2-й или 3-й) с достаточно высокой степенью вероятности.

Что касается 1-го/4-го (в дальнейшем – просто 1-го) класса, то он оказывается как бы «выключенным» из наблюдаемого противопоставления. К нему также относятся слова из совершенно различных семантических полей, однако, насколько можно судить, категория отчуждаемости для всех этих слов является чисто классифицирую-

щей; в тех же немногих случаях, когда по какой-то причине возникает потребность разграничить «неотчуждаемое» и «отчуждаемое» употребление имени 1-го класса, оно перестает согласовываться по 1-му классу и переходит во 2-й класс (в «неотчуждаемой» функции) или в 3-й (в «отчуждаемой»). Это видно из того, что некоторые слова, обладая формальным признаком 1-го класса (суффиксом *-i*, см. 1.3), согласуются, тем не менее, по 2-му/3-му [ср., напр., //náí (2) «матка (неотчужд.)» – //náí (3) «матка (отчужд.)»].

Можно, таким образом, предположить, что в изначальной системе 1-й класс был «нейтральным», в то время как по 2-му/3-му классу согласовывались имена, для которых было актуальным противопоставление по отчуждаемости/неотчуждаемости. Здесь любопытно было бы упомянуть тот факт, что к 1-му классу относится, например, на порядок больше названий животных, чем ко 2-му и 3-му классу, вместе взятым; возможно, это следует объяснять тем, что для большого количества диких животных (по крайней мере живых) такое противопоставление действительно было бы неуместным.

К настоящему времени, однако, это противопоставление настолько часто оказывается нарушенным в области морфологии, синтаксиса и семантики, что приходится признать его крайне малую релевантность для текущего разбиения имен на согласовательные классы. Важнейшим архаизмом, однако, остается противопоставление 2-го и 3-го классов внутри парадигм существительных, обозначающих части тела.

Несколько выходя за рамки темы данной статьи, отметим, что чрезвычайно соблазнительным выглядит сопоставление суффикса *-i*, характеризующего 1-й класс, с общесредне-койсанским суффиксом **-i*, употребляющимся в этих языках для обозначения (среднего) общего рода, «нейтрального» по отношению к мужскому роду на **-h* и женскому на **-s*; любопытно, однако, что разбиение имен на три класса осуществляется в !хонг и в центрально-койсанских языках на совершенно различных принципах – исходя из критерия «отчуждаемости» в первом и из родового критерия во вторых.

1.3. Морфологическое выражение классных различий

В целом можно сказать, что категория класса является для !хонг скрытой, т.е. по внешнему виду словоформы (как в ед., так и во мн.ч.), как правило, нельзя предсказать, к какому классу она относится. Ситуация осложняется тем, что даже при возможном наличии внутри словоформы специального классного показателя не исключена возможность его фонетического слияния с предшествующим гласным корня, т.е. словоформу типа !náa «сосуд» можно при желании анализировать и как [!ná]+[0], и как [!ná]+[a] (где [0]/[a] – классный показатель; из двухморности гласного не следует его «двухморфемность», см. ниже о структуре корня).

Тем не менее, статистический анализ имеющихся данных показывает, что классная принадлежность слова в определенных случаях, несомненно, выражается внутри словоформы. Это признает и Э. Трэйлл, который выделяет ряд классных суффиксов, по своему фонетическому облику совпадающих или крайне схожих с соответствующим согласователем.

1-й класс. Как отдельные суффиксы обозначены показатели *-i*, *-li* (ср. согласователь *-i*). Сразу уточним, что *-li* на самом деле – не суффикс, а, скорее, сочетание суффикса *-i* с конечным согласным корня *-l* (см. ниже о структуре корня); аналогичным образом мы могли бы выделить и «суффикс» *-bi*, на самом деле представляющий собой сочетание корневого *-b* с суффиксальным *-i*. Таким образом, «универсальным» суффиксом 1-го класса следует признать гласный *-i*. Это, однако, не значит, что морфема *-i* встречается только в словах 1-го класса, равно как и то, что не бывает слов 1-го класса без суффикса *-i*. Значительное количество слов 1-го класса имеет нулевой показатель (прежде всего слова с конечными сонорными *-m*, *-n*). Что касается слов 2-го/3-го классов с суффиксом *-i*, то они, как правило, обозначают части тела (/qáí «ноздря», //náí «матка», ≠háí «зад» и т.п.) и часто образуют бинарное противопо-

ставление по отчуждаемости/неотчуждаемости, т.е. их переход во 2-й/3-й класс, скорее всего, вторичен.

2-й класс. Трэйлл выделяет в качестве вероятных суффиксов элементы *-a⁰*, *-ma*, *-n*, *-na*. Гипотезу относительно элемента *-n* необходимо отвергнуть; по крайней мере в формах ед. ч. ко 2-му классу относится сильно меньше имен, оканчивающихся на *-n*, чем к 1-му или к 3-му. Можно предположить, что данный «суффикс» был выделен Трэйллом на основании фонетического сходства с назализованным согласователем 2-го класса *-a⁰*. Элемент *-n* также часто встречается в формах мн.ч. преимущественно от имен 3-го класса, ср. [nūle (3) «камень», мн.ч. [nūn (2); однако, как будет показано ниже, во всех этих случаях он вообще не является грамматической морфемой.

Элемент *-a⁰*, возможно, действительно представляет собой классный показатель; учитывая, однако, что мы склонны трактовать назализацию как характеристику корневой, а не суффиксальной морфемы (см. ниже), разумнее было бы выделять просто *-a*. В этом случае «суффиксы» *-ma* и *-na*, как и «суффиксы» 1-го класса *-bi* и *-li*, раскладываются на конечный сонант корня (*-m-*, *-n-*) и собственно классный показатель *-a*.

Тем не менее, опять-таки имеется большое количество имен 2-го класса, не обнаруживающих никакого явно выраженного классного показателя (ср. основы на *-m*: *dzúm* «верхняя губа»; основы на *-o*: *ʔnō* «ритуальная смесь» и т.п.); равным образом бывают и слова на *-a*, относящиеся к 3-му классу.

3-й класс. Здесь Трэйлл обнаруживает суффиксы *-le*, *-e*, *-je*, *-be*, соответствующие согласователю *-e*. Как и в предыдущих случаях, собственно суффиксом нужно считать гласный *-e*; предшествующие ему согласные на самом деле составляют часть корня. К 3-му классу действительно относится подавляющее большинство !хонг существительных на *-e* (хотя некоторое количество таких имен встречается и во 2-м классе, а одно – в 1-м, см. 3.3.5). Тем не менее, и здесь налицо многочисленные отклонения (ср. //áa «колючка», [qhū «вид паука», Ogō «дуплистое дерево», //ʔân «солнце» – все слова 3-го класса).

В качестве общих предварительных выводов можно сделать следующие утверждения:

а) по крайней мере с исторической точки зрения очевидно, что категория класса внутри словоформы !хонг выражалась вокалическими показателями (*-i*, *-a*, *-e*) и остатки этой системы прослеживаются до сих пор;

б) явное исключение из общего правила – корни на носовые сонанты *-n*, *-m*, крайне редко и неохотно присоединяющие какие-либо вокалические суффиксы;

в) многочисленные нерегулярности и переходы из одного класса в другой показывают, что в какой-то момент непосредственная связь между классными показателями и собственно значениями соответствующих классов была утрачена. Так, слово #ûe «рот» из-за ауслаута на *-e* следовало бы относить к 3-му классу («отчуждаемому»); реально, однако, оно согласуется по 2-му.

2. СТРУКТУРА ИМЕННОЙ СЛОВОФОРМЫ В !ХОНГ

2.1. Основные характеристики первичных структур

Прежде чем мы перейдем к основной задаче данной работы – формальному описанию схем образования множественного числа в !хонг – представляется необходимым обсудить вопрос о фонологической и морфологической структуре именной словоформы в !хонг как таковой, поскольку от правильного понимания этой структуры непосредственно зависит и выделяемый нами инвентарь показателей мн.ч.

Абсолютное большинство именных словоформ !хонг в ед.ч. имеет одну из четырех возможных структур, которые мы назовем п е р в и ч н ы м и: CV (= CV₁V₁), CVC, CVV (= CV₁V₂), CVCV. За пределами этих четырех множеств остается (а) ряд иноязычных заимствований (типа *khánsêla* «совет» и т.п.); (б) уменьшительные производные от

первичных имен, образованные с помощью суффикса *-hà /-òà*, иногда также с присоединением префикса *kâ-* и различными морфонологическими чередованиями, ср. *Òxàa* «брат», уменьш. *kâ-Òxàa-bà* и т.п.; (в) некоторое количество других производных основ, в составе которых явно просматриваются деривационные морфемы, ср. *//nàhi-sí* «черепаха» и т.п. Все эти случаи очевидно вторичны и ниже рассматриваться не будут (отметим лишь, что образование диминутивов в !хонг – тема, заслуживающая отдельного исследования).

Во всех первичных структурах очевидным образом выделяется анлаутный корневой согласный *C₁* и корневой гласный *V₁*. Позицию *C₁* может занимать любой согласный !хонг (чаще всего это бывает кликс, реже всего – губные смычные, встречающиеся преимущественно в заимствованиях; в редких случаях анлаут может быть и нулевым, как в *àa* «отец» и т.п.). В позиции *V₁*, в свою очередь, может быть зафиксирован любой из возможных гласных (*a, e, i, o, u*, а также их назализованные, фарингализованные, глоттализированные и придыхательные варианты).

Напротив, позиция ауслаутного согласного *C₂* в структурах типа *CVC* довольно строго ограничена; ее могут занимать исключительно носовые сонорные *-m* и *-n*, что, впрочем, является типологической чертой, общей практически для всего койсанского ареала. В структурах типа *CVCV* позицию *C₂* также могут занимать *-m-* и *-n-*; помимо этого, в ней встречаются звонкий губной смычный *-b-* и все остальные сонорные !хонг (*-l-, -ñ-, -j-*). Поскольку в !хонг отсутствует фонологическое противопоставление между звонким смычным *-b-* и сонорным *-w-*, мы можем условно обозначить *-b-* как интервокальный аллофон фонемы *[w]* и сформулировать правило, согласно которому позиция *C₂* в !хонг может быть занята любым сонорным этого языка и только сонорным.

Наконец, в позиции *V₂* (структуры типа *CVV, CVCV*) также возможны все простые гласные !хонг, однако строго запрещены фарингализованные, глоттализированные и придыхательные варианты, а назализованные гласные встречаются исключительно редко.

Во множественном числе словоформы могут иметь все те же структуры, а также присоединять к себе аддитивные суффиксы мн.ч. (см. ниже). Однако граница между основой и суффиксом мн.ч. всегда обозначена исключительно четко, т.к. даже при исходе основы на согласный между этим согласным и начальным согласным суффикса ни разу не зафиксировано фузионного взаимодействия, ср. *!kxʔâm* «бусина», мн.ч. *!kxʔâm-tê; //gũʔm* «ящер», мн.ч. *//gũʔm-saʔ* и т.п.

Реальные проблемы при анализе парадигматических характеристик именных основ !хонг возникают тогда, когда требуется определить морфологический статус элементов *C₂* и *V₂*. Предшествующие им *C₁* и *V₁* почти никогда не изменяются в зависимости от числа (за исключением небольшого количества фонетически обусловленных случаев, о которых см. ниже) и потому могут стабильно рассматриваться как часть корня. Напротив, элементы *C₂* и *V₂* часто варьируют в зависимости от числовой характеристики лексемы, либо замещаясь на другие гласные/согласные, либо просто выпадая. В связи с этим налицо возможность анализировать эти элементы как (а) показатели числа, (б) кумулятивные показатели, совмещающие грамматические характеристики числа и класса, (в) составные элементы корня, модифицируемые в результате определенных морфонологических чередований, возникающих на стыке морфем. Как показывает практика, в зависимости от конкретных случаев возможен любой из этих трех вариантов; в связи с этим уместно на примере нескольких лексем разобрать все перечисленные выше типы структур по отдельности.

2.2. Первичные структуры CV

Сюда относятся односложные корни на *-a, -e, -o, -u* и (крайне редко) *-i*. Следует отметить, что в словаре Трэйлла эти структуры, как правило, имеют внешний вид *CVV* с «удвоенным» гласным, напр. *//áa, |qñūu, Ǫgðo* и т.п. Соответствующее «удвоение» носит автоматический характер и связано с такой общей типологической характеристикой большинства койсанских языков, как *д в у х м о р н о с т ь*, т.е. неспособность само-

стоятельной словоформы иметь длину короче чем в две моры; соответственно, полностью исключается ситуация, при которой, например, форма типа //á была бы фонологически противопоставлена //áa. Принятие данной нотации в словаре обусловлено разными причинами, начиная от фонетических и кончая графическими; так, Трэйлл считает, что при наличии нескольких дополнительных вокалических признаков «удвоенное» обозначение позволяет избежать нагромождения диакритик – ср., например, запись типа áá для обозначения назализованного фарингализованного гласного с высоким тоном (в нашей транскрипции = á⁰).

Правило двухморности, однако, вызывает серьезные затруднения при попытке провести внутри той или иной словоформы морфологические границы. В самом деле, если взять, например, такую пару, как //náa (3) «палка» – мн.ч. //nám (2), то первую из этих форм можно анализировать и как {/ná} + {0} (с автоматическим удлинением корневого гласного), и как {/ná} + {a} (с последующим стяжением), где вторая морфема – показатель класса/ед.ч.

Выход из этой ситуации подсказывает наличие таких параллельных форм, как, например, |gūa (3) «подстилка» – мн.ч. |gūm-tê (2); здесь корневой гласный фонетически не тождествен показателю ед.ч. -a, в результате чего стяжения не происходит, а форма мн.ч. явно показывает, что элемент -a не является частью корня. Поскольку данный случай полностью идентичен описанному выше, мы будем считать, что и в форме //náa скрыто присутствует показатель класса/ед.ч. -a.

По-видимому, для каждой двухморной формы ед.ч. типа CV (= CV₁V₁) теоретически возможно ее разложение на корень CV и классный суффикс V; чаще всего при этом в качестве суффиксов выступают гласные -a и -e, отмеченные в этой функции уже Трэйллом (см. выше). В некоторых случаях, однако, можно предположительно выделять также суффиксы -u (|qhū «вид паука» = {/qhū} + {u}) и -o (≠nō «ритуальная смесь» = {/nō} + {o}); дополнительные аргументы в пользу такого членения приводятся в п. 2.5.

Таким образом, пресловутая «двухморность», по крайней мере для языка !хонг, оказывается явлением не только чисто фонетического, но и морфологического характера: по крайней мере в именных формах ед.ч. она естественным образом проистекает не просто из требований фонотактики, а из стяжения гласного корня с гласным суффиксального показателя. Особый вопрос – двухморность в ряде «усеченных» форм мн.ч., где она, по-видимому, действительно обусловлена исключительно фонетическими соображениями (см. ниже).

2.3. Первичные структуры CVC

Это формы на -m, -n с предшествующим гласным a, u или o; гласные e и i в таких контекстах не встречаются. Отметим также запрет на появление в этих формах назализованных гласных.

Морфологическое членение структур CVC достаточно тривиально. Если они являются формами ед.ч., конечные сонанты в подавляющем большинстве случаев неотделимы от корня – ср. tùm (2) «кожа», мн.ч. tūma-tê (2); ?nàp (2) «язык», мн.ч. ?nàp-a (2). Там же, где в них присутствует значение мн.ч., сонанты -m, -n, напротив, всегда вычленяются как грамматические морфемы – ср. //náa (3) «палка», мн.ч. //nám (2); |nūle (3) «камень», мн.ч. |nūp (2).

Известно, однако, несколько исключений из данного правила, где оно выполняется с точностью до наоборот: ср., например, nām (1) «вид растения [Dipcadi marlothii]» – мн.ч. nāa-tê (4), |gàn (1) «опознавательный знак» – мн.ч. |gàba-tê (1). Очевидно, что здесь суффиксальные элементы -m, -n вычленяются из форм ед.ч. Однако данные модели (см. ниже) не являются продуктивными и, с нашей точки зрения, представляют собой своеобразную «инверсию» обычной ситуации, когда формы ед. и мн.ч. меняются местами.

2.4. Первичные структуры CVV

Сюда относятся все формы, содержащие вокалические сочетания *ae*, *ai*, *ao*, *au*, *oa*, *oe*, *ia*, *ie*, *ii* (остальные комбинации гласных в !хонг запрещены), равно как и их назализованные, фарингализованные и пр. варианты. Ниже мы покажем, что там, где речь идет о сложных способах образования мн.ч., для каждого из этих сочетаний верно то, что их второй элемент в формах мн.ч. регулярно элиминируется или замещается каким-то другим суффиксом [напр., $\ne\hat{a}e^0$ (2) «челюсть» – мн.ч. $\ne\hat{a}m-t\hat{e}$ (2)]. Следовательно, и здесь мы можем утверждать, что морфологическая граница между корнем и классным суффиксом/показателем ед.ч. проходит между первой и второй морой.

Что касается форм мн.ч., то здесь структуры типа CVV встречаются крайне редко и, как правило, не встраиваются ни в одну хоть сколь-нибудь продуктивную модель (случаи типа *tshôe* (2) «внутренняя часть» – мн.ч. *tshôa⁰-tê* (2), исчисляемые единицами).

Следует особо подчеркнуть, что при использовании словаря Трэйлла может возникнуть впечатление, что при наличии в составе структуры CVV дополнительного признака назализации этот признак характеризует вторую часть сочетания (записи типа *qáĩ* «прекрасный», *ĩnúã* «спор» и т.п.). На самом деле это орфографическая условность, принятая во избежание чрезмерного скопления диакритик (см. 2.2); реально назализация распространяется на все сочетание. С фонологической же точки зрения уместно считать, что назализация, наоборот, стандартно определена на первой части сочетания, т.е. является характеристикой корня, а на суффиксальный элемент словоформы распространяется автоматически. Таким образом, в форме типа $\ne\hat{ĩnúã}$ (в нашей транскрипции $\ne\hat{ĩnúa}^0$) мы будем выделять корень $\ne\hat{ĩnú}^0$ - и суффикс *-a*. Как будет показано ниже, такая трактовка позволяет существенно сократить количество выделяемых формообразовательных моделей.

2.5. Первичные структуры CVCV

Как уже говорилось выше, позиция C_2 в !хонг строго ограничена сонорными согласными. Напрашивается гипотеза, согласно которой всякий C_2 в структуре CVCV является суффиксом, и в какой-то степени этот взгляд разделяет и Э. Трэйлл (см. 1.3, где указано на выделение им последовательностей *-ma*, *-na*, *-le*, *-li* и т.д. как потенциальных классных показателей). Однако реально наличие в словоформе в позиции C_2 сонорного согласного не позволяет что-либо сказать о его классной характеристике (предугадать которую – и то лишь отчасти – можно только по следующему за ним гласному V_2); более того, этим «суффиксам» оказывается невозможным приписать вообще никакого словообразовательного значения, в силу полного отсутствия хоть сколько-нибудь продуктивных словообразовательных моделей типа $C_1V_1 + C_2[V_2] \rightarrow CVCV$.

Единственным аргументом в пользу суффиксального характера инлаутных *-b-*, *-l-*, *-j-* и т.п. можно считать их способность к «усечению» при образовании форм мн.ч. Ср., например, такие – достаточно регулярные – парадигмы, как *ĩnúle* (3) «камень» – мн.ч. *ĩnún* (2); $\ne\hat{O}nàje$ (3) «дерево» – мн.ч. $\ne\hat{O}nà^0$ (2); *!gāba* (2) «фасция» – мн.ч. *!gām-tê* (2). Однако при более детальном анализе оказывается, что «усечение» во всех этих случаях мнимое. На самом деле элиминируется здесь только ауслаутный гласный V_2 ; именно его следует считать суффиксом, совмещающим значения класса и ед.ч. Что же касается сонорного, то он, оказываясь в результате в конечнослоговой позиции, вступает в одно из возможных морфонологических чередований: (а) *-b-l-m*, (б) *-l-l-n*, (в) *-j-l-0*. Регулярность подобного рода корреляций будет показана ниже.

Напротив, конечный гласный V_2 обычно обнаруживает те же особенности, что и соответствующие гласные в структурах типа CV и CVV, т.е. в сложных (неаддитивных) формах мн.ч. с высокой степенью регулярности либо выпадает, либо замещается другим вокалическим элементом. Исходя из этого, мы и здесь будем считать V_2 суффиксом во всех случаях, кроме специально оговоренных.

Таким образом, все подтипы именных словоформ в !хонг можно свести к двум основным: а) тип C_1VC_2 с нулевым показателем класса/числа, где $C_2 = m$ или n ; б) тип $C_1V_1(C_2)\#V_2$, где V_2 = показатель класса/числа.

3. ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В !ХОНГ

Все словарно засвидетельствованные именные парадигмы !хонг удобно разбить на три основные группы:

а) слова, образующие множественное число аддитивным способом, т.е. простым присоединением суффикса мн.ч. без каких-либо изменений внутри основы;

б) слова, образующие множественное число кумулятивным способом, т.е. с помощью изменения непосредственно основы ед.ч., часто в зависимости от ее классной характеристики²;

в) слова, образующие множественное число смешанным способом, т.е. сочетание в пределах одной словоформы элементов аддитивности и кумулятивности.

Наиболее частым из данных способов является аддитивный (зафиксирован более чем в половине из имеющихся парадигм); вторым по частотности является смешанный способ; и, наконец, лишь около 40–45 слов образуют мн.ч. чисто кумулятивным способом, причем, в отличие от двух остальных, этот способ не является продуктивным; судя по общему пропорциональному соотношению, сегодня в !хонг налицо явная тенденция к переходу большинства кумулятивных форм мн.ч. в смешанный тип. Учитывая, однако, что кумулятивный способ чаще всего характеризует лексику, являющуюся для носителей !хонг «базисной» и наиболее частотной, логично предположить, что он достаточно архаичен, и при дальнейшем анализе он будет интересовать нас значительно больше, чем простой аддитивный способ.

3.1. Аддитивный способ (продуктивные суффиксы мн.ч.)

Суффиксов, выражающих идею множественного числа и не зависящих при этом от фонетической или классной характеристики основы ед.ч., в !хонг насчитывается четыре: *-tê* (диал. *-lê*), *-tû*, *-nî*, *-sa* (иногда с назализованным вариантом: *-sa⁰*).

3.1.1. Морфема *-tê*

Наиболее продуктивный способ образования мн.ч. – непосредственное присоединение к основе ед.ч. суффикса *-tê* (около 500 случаев из корпуса в 1000 лексических единиц). При этом, как правило, классная характеристика имени остается неизменной, т.е. имена 2-го и 3-го классов в мн.ч. продолжают согласовываться по 2-му и 3-му классам, а имена 1-го класса закономерно согласуются по 4-му. В редких случаях, однако, возможны и другие соотношения. Ниже приводятся примеры регулярных моделей (из соображений объема мы не приводим весь материал) и перечень имеющихся исключений:

а) ед.ч. 2-й класс: мн.ч. 2-й класс: *Oqóu* – *Oqóu-tê* «дикая кошка»; *îuma* – *îuma-tê* «питон»; *lgúi* – *lgúi-tê* «грудная кость»; *lnú?m* – *lnú?m-tê* «пест»; *!nôhbu* – *!nôhbu-tê* «одеяло» и т.д.;

б) ед.ч. 3-й класс: мн.ч. 3-й класс: *lháo* – *lháo-tê* «мешок»; *g/kx?óni* – *g/kx?óni-tê* «видвши»; *//hām* – *//hām-te* «веснушка, родинка»; *xāla* – *xāla-tê* «лопата»; *xāla* – *xāla-tê* «жслчь» и т.д.;

² Следует особо оговорить, что несколько моделей образования мн.ч., относимые нами к «кумулятивным», не являются таковыми в строгом смысле слова (так, показатель мн.ч. *-a* в основах типа *CVC* не содержит в себе информации о классной принадлежности соответствующего слова). Тем не менее, они, во-первых, строго детерминированы типом основы, во-вторых, наравне с «чистыми» кумулятивными моделями, явно противопоставлены «аддитивным» и «смешанным» моделям. В связи с этим за неимением более подходящего термина мы будем употреблять для «явной» и «условной» кумуляции одно и то же слово.

в) ед.ч. 1-й класс: мн.ч. 4-й класс: |àho – |àho-tê «сова»; !xúu – !xúu-tê «трубка»; kúu – kúu-tê «овца»; !hūli – !hūli-tê «вид насекомого (lousefly)» и т.д.

Редкие модели:

г) ед.ч. 1-й класс: мн.ч. 1-й класс: |náu – |náu-tê «чесалка (против вшей)»; !Gāhi-sì – !Gāhi-sì-tê «вдова»;

д) ед.ч. 1-й класс: мн.ч. 2-й класс: |Gáu – |Gáu-tê «высококучевое облако»; //nàni-kà – //nàni-kà-tê «потомство»;

е) ед.ч. 1-й класс: мн.ч. 3-й класс: g|qháli – g|qháli-tê «бурая гисна»;

ж) ед.ч. 2-й класс: мн.ч. 3-й класс: kàli-káli – kàli-káli-tê «первый и второй шейные позвонки»;

з) ед.ч. 2-й класс: мн.ч. 4-й класс: //qhô?a⁰ – //qhôa⁰-tê «дух, мысль»; †gà?a⁰ – †gà?a⁰-tê «женские гениталии»; †?ā⁰ – †?ā⁰-tê «ребро».

и) ед.ч. 3-й класс: мн.ч. 2-й класс: //gáu – //gáu-tê «вид куста»; //nù?mi – //nù?mi-tê «хрящ»; ūhbu-kú – ūhbu-kú-tê «божество земли»;

к) ед.ч. 3-й класс: мн.ч. 4-й класс: Ohó⁰ OGòmí – Ohó⁰ OGòmí-tê «вид кузнечика»; †āhi⁰-†āhi⁰ – †āhi⁰-†āhi⁰-tê «вид птицы (Prinia flavicans)»; bùrukò – bùrukò-tê «штаны»; tshòni – tshòni-tê «вид бабуина»; ká-kú⁰-sè – ká-kú⁰-sè-tê «немой»; náa qàli – náa qàli-tê «зорилла (африканский скунс)».

Легко заметить, что суффикс *-tê* может присоединяться к словоформам любой структуры, включая производные, расширенные с помощью деривационных суффиксов (ká-kú⁰-sè, !Gāhi-sì и т.п.). Относительно редки, впрочем, случаи типа |guí – |guí-tê, т.к. для основ с суффиксом *-i* все же гораздо более характерным остается смешанный тип образования мн.ч. (см. ниже).

Какого-либо разумного объяснения для нетривиальных случаев изменения классной характеристики имен в группах (г)–(к) на настоящий момент предложить не удастся. Стоит отметить только, что соотношение «ед.ч. 3-й класс – мн.ч. 2-й класс» с высокой степенью регулярности встречается также при кумулятивном и смешанном образовании мн.ч.; все прочие соотношения универсально редки (не следует также забывать, что некоторые из «нерегулярных» примеров могут представлять собой формы, искусственно образованные информантами и не употребляемые непосредственно в речи).

3.1.2. Морфема *-tú*

Суффикс *-tú* зафиксирован в сравнительно небольшой группе существительных (порядка 20 примеров). Он отличается от прочих суффиксов мн.ч. прежде всего прозрачностью этимологии: нет никаких сомнений в том, что он восходит к форме мн.ч. от слова *tâa* «человек», причем сама парадигма *tâa* (3) – *tûu* (4) является уникальной и с синхронной точки зрения должна рассматриваться как случай супплетивизма (исторически, возможно, здесь действовало какое-то несохранившееся аблаутное чередование). Данная этимология подтверждается двумя фактами: (а) почти все формы мн.ч., образованные с помощью суффикса *-tú*, относятся к 4-му классу; (б) больше половины из них относятся к сфере терминов родства. Ср.:

Òaa (2) – Òaa-tú «детеныш»; Òxàa (2) – Òxàa-tú «старший брат»; //òo (2) – //òo-tú «родственник (с семейной пары)»; |kx?òe «друг» – |kx?òe-tú (4); ?|nàn (3) – ?|nàn-tú (4) «супруга»; //hām (3) – //hām-tú «бабушка»; qáe (3) – qáe-tú «мать»; àa (3) – àa-tu «отец» и др.

Из данных правил, впрочем, также есть ряд исключений; в эту группу попадает несколько существительных, обозначающих животных (?//nôhba (3) – ?//nôhba-tú «вид птицы (Coracias naevia)»; dàhbi sîi (1) – dàhbi sîi-tú «летающий муравей»; ts?à⁰ àa (2) – ts?à⁰ àa-tú «мангуст»), и два из них при этом во мн.ч. согласуются по 2-му классу: //nâe⁰ (2) – //nâe⁰-tú (2) «венценосный чибис»; dâhn-tê (2) – dâhn-tê-tú (2) «летучая мышь». Нетрудно, однако, заметить, что как минимум один из этих случаев является формальным производным от слова *àa* («мангуст», букв. «крадущийся отец» – очевидно, эвфемизм вместо табуированного |Gôhli); в другом случае – dâhn-tê – налицо не очень по-

нятный случай явно вторичного перехода старой формы мн.ч. на *-tê* в парадигму ед.ч. и образование для нее новой формы мн.ч. на *-tû*. В любом случае количество исключений минимально и не может заслонять исходную семантику показателя *-tû*.

Отметим также, что *-tû* – единственный аддитивный суффикс, никогда не встречающийся в смешанных формах мн.ч.

3.1.3. Морфема *-nî*

Этот показатель у непроеизводных существительных зафиксирован лишь в нескольких случаях: *Ōàa* (2) – *Ō?â-nî* (2) «ребенок, детеныш» (ср. альтернативную форму *Ōàa-tû* выше); *?Ōnāha⁰* (2) – *?Ōnāha⁰-nî* (2) «тело»; *|qhú⁰* (2) – *|qhú⁰-nî* (2) «белый человек»; *!áma* (2) – *!áma-nî* (2) «жаворонок»; *!ūma* (2) – *!ūma-nî* (2) «охотничья сумка»; *Ōqâa* (3) – *Ōqâa-nî* (4) «ребенок»; *tháa* (5) – *tháa-nî* (2) «вещь» (о слове *tháa* и 5-м классе см. 1.1).

Этимология суффикса *-nî* неизвестна, зато с высокой степенью уверенности можно предположить, что исходным его значением является выражение идеи уменьшительности. В данной работе мы не будем подробно рассматривать (достаточно сложные) модели образования диминутивов, однако отметим, что одна из наиболее частых таких моделей – присоединение в ед.ч. суффикса *-bà* (вар. *-Ōà*), а во мн.ч. суффикса *-nî*. Ср.: *Ōhán* «антилопа дукер» > димин. *Ōhūu-bà*, мн.ч. *Ōhūu-nî*; *//qhū⁰* «жираф» > димин. *//qhūu-bà*, мн.ч. *//qhūu-nî* и т.п. Таким образом, уместно предположить, что формы мн.ч. на *-nî* от непроеизводных существительных с исторической точки зрения восходят к парадигмам образованных от них диминутивов. Любопытно, что из всех перечисленных выше существительных собственно диминутивными формами, как в ед., так и во мн.ч., в словаре Трэйлла обладает только *Ōqâa* «ребенок» (димин. *kâ-Ōqôu-bà*, мн.ч. *kâ-Ōqô⁰-nî* *Ō'ânî* – явно вторичная форма, учитывая дублирование в ней морфемы *-nî*); для прочих имен специальные диминутивные формы либо не отмечены вообще, либо приводятся только в единственном числе.

3.1.4. Морфема *-sa⁽⁰⁾*

Этот показатель особенно характерен для смешанных форм образования мн.ч. Зафиксированы только три случая, когда он присоединяется к основе ед.ч. без каких-либо сопутствующих изменений: *?!nùm* (2) – *?!nùm-sâ/-sá⁰* (2) «лоб»; *//gū?m* (3) – *//gū?m-sá⁰* (2) «ящер»; *?//nùbu* (2) – *?//nùbu-sà* (2) «крупное животное или человек». Даже при условии реальной употребляемости этих форм можно все равно предположить их вторичность (морфологическое выравнивание в принципе могло бы повлиять на исходную парадигму типа **?!nùa* – *?!nùm-sâ* или **?!nùm* – *?!nùma-sâ*, см. ниже).

Уместно предположить, что суффикс мн.ч. *-sa⁽⁰⁾* этимологически тождественен субстантиватору *sà*, нейтрализующему предикативность глагольных и адъективных форм (ср. *!nùli sV* «вытирать глаза» – *!nùli sí-sà* «вытирание глаз» и т.п.; от субстантиватора могут синтаксически зависеть как отдельные предикативы, так и целые предложения); это косвенно подтверждается и тем, что почти все формы мн.ч. на *-sa⁽⁰⁾*, как аддитивные, так и смешанные, относятся ко 2-му классу, и к нему же по общему правилу относятся все субстантивированные формы на *-sà*. Первоначальной функцией этого суффикса было, таким образом, подчеркивание именного характера сочетавшейся с ним основы; впоследствии он был в ряде форм переосмыслен как показатель мн.ч.

3.2. Смешанный способ образования мн.ч. как производный от кумулятивного

При дальнейшем рассмотрении формообразовательных моделей !хонг нам будет удобно анализировать кумулятивные и смешанные формы мн.ч. не по отдельности, а вместе. Это связано с тем, что, исходя из самого определения смешанного способа образования мн.ч., любую такую смешанную форму можно определить как агглютинативное сочетание «кумулятивная форма мн.ч. + аддитивный суффикс мн.ч.». При этом

едва ли не для любой кумулятивной модели можно найти аналогичную ей модель смешанную: ср. //náa – //nám «палка», но //gâa – //gâm-te «начало лета» и т.п.

Обратное, впрочем, неверно: существует ряд смешанных моделей, для которых не удастся обнаружить соответствующих им кумулятивных. Так, регулярная модель с заменой суффикса ед.ч. *-i* на суффикс мн.ч. *-ba* представлена только в смешанном виде (напр., |á-i «лев» – мн.ч. |á-ba-tê, но никогда не *|á-ba). Это, очевидно, следует увязывать с постепенным отмиранием чисто кумулятивной модели как таковой. Тем не менее, даже такие смешанные модели уместно рассматривать в одной плоскости с кумулятивными, оперируя гипотетическими формами типа *|á-ba; как мы постараемся показать ниже, это даст нам возможность лучше разобраться в деталях описываемой системы.

Отметим, что в некоторых случаях между кумулятивной формой мн.ч. и суффиксами *-tê*, *-sa*⁰), *-nî* появляется также инкремент *ka*: ср. !àhla «вид дерева» – мн.ч. !àhn-kà-tê, //nàhbe «желтый мангуст» – //nàhm-kâ-tê. Сущность и причины появления этого элемента остаются неясными; можно лишь заметить, что его дистрибуция в целом ограничена лексемами, имеющими в ед.ч. структуру CVCV.

3.3. Кумулятивные и смешанные способы образования мн.ч. от имен 1-го класса

Общим для всех имен 1-го класса, как уже было сказано выше, является согласование в мн.ч. по 4-му классу; немногочисленные исключения будут приведены ниже, при разборе конкретных подтипов.

3.3.1. Ауслат на *-i*

Этот ауслат имеет более половины имен, относящихся к 1-му классу. Все случаи образования сложного мн.ч. (в дальнейшем под «сложным» мн.ч. будет пониматься мн.ч., образованное либо по кумулятивной, либо по смешанной модели) относятся к смешанному типу. Основные правила формообразования можно сформулировать следующим образом:

а) основы типа *Ca-i* образуют мн.ч. путем замены *-i* на *-ba* (|ái – |ába-tê «лев»; ‡qhài – ‡qhàba-tê «собака»; g//qhái – g//qhàba-tê «пчелиный воск» и т.п.);

б) основы типа *Cu-i* образуют мн.ч. путем замены *-i* на *-a* (g|xú?i – g|xú?a-tê «вид мыши»; g‡xūi – g‡xūa-tê «охотничья собака»; sūi – sūa-tê «бородавка» и т.п.);

в) основы типа *C₁VC₂-i*, где *C₂ = -b-, -l-*, образуют мн.ч. путем замены *-i* на *-u* (!gāh?bi – !gāh?bu-tê «дубина»; //āhbi – //āhbu-tê «куча»; dthábi – dthábu-tê «бабочка»; |àli – |àlu-tê «антилопа гну»; !qóli – !qólu-tê «роговая оболочка глаза»; kúli – kúlu-tê «год» и т.п.).

Таким образом, морфы *-ba*, *-a*, и *-u* оказываются в дополнительном распределении относительно типа основы. На этом основании мы можем их объединить в единую морфему, условно обозначаемую как *{-wa}*, с соответствующими правилами реализации: а) *-a-wa-* > *-aba-*; б) *-u-wa-* > *-ua-*; в) *-bwa*, *-lwa* > *-bu*, *-lu*. (Фонетически не зафиксированный вариант *-wa* принимается нами лишь потому, что ни для одного из трех реально наблюдаемых алломорфов нельзя предложить набор правил, однозначно выводивших бы из него два других.)

Исключения. А) В двух случаях суффикс *-i* в формах мн.ч. заменяется на *-m*: |gàhi-sí – |gàhm-sá «навозный жук»; //nàhi-si – //nàhm-sá⁰ «черепашка». Бросается в глаза нестандартная структура этих лексем, расширенных в ед.ч. за счет дополнительного суффикса *-sí*. Помимо этого, форма мн.ч. от первого из них согласуется по 1-му классу, а от второго – по 2-му.

Б) В двух случаях налицо замена *-i* на *-a* в структуре типа *C₁VC₂-i*: ‡xúbi «лучевая кость (отчужд.)» – мн.ч. ‡xúba-tê; g‡qhúli – g‡qhúla-tê «локтевая кость» (вместо ожидаемых *‡xúbu-tê и g‡qhúlu-tê). Можно предположить, что формы ед.ч. здесь образованы вторично (по аналогии с другими словами на *-bi*, *-li*); см. также 3.4.3.

В) Мн.ч. по 2-му классу отмечено у слова !núi – !núa-tê «вид куста»; по 1-му классу у слов //qhúi – //qhúa-tê «рогатая гадюка», ‡qhúli – ‡qhúlu-tê «жук-щелкун».

Всего, таким образом, насчитывается семь исключений при 86 полностью регулярных случаях.

3.3.2. Ауслат на -и

Все имена с ауслатом на -и имеют структуру либо CV, либо CVV. Правила образования мн.ч. следующие:

а) основы типа C(u)u (реально – C(u)u⁰ = Cu⁰-и, т.к. во всех словах, относящихся сюда, гласный назализован) заменяют -и на -а (|nù⁰ – |nùa⁰-tê «дикий образ»; ?|nù⁰ – ?|nùa⁰-tê «бурая гиена»; ‡ú⁰ – ‡úa⁰-tê «пустое страусиное яйцо» и т.п.);

б) основы типа Cau, Cau⁰ утрачивают -и, что с точки зрения структуры слога также равносильно замене -и на -а (g!há?u – g!há?a-tê «зимний южный ветер»; !náu – !náa-tê «пласт почвы»; //á?u – //á?a-tê «защищенная сторона дерева»; //gāhu⁰ – //gāha⁰-tê «пятнистая гиена»).

Исключения. А) В одном случае назализация, присутствуя в форме мн.ч., отсутствует в ед.ч.: !qāhū – !qāha⁰-tê «гепард». Следует, однако, отметить, что сама по себе форма ед.ч. выглядит исключительно странно, т.к. две различные тональные характеристики внутри одного слога (нотация ahu фонетически = au^h) в !хонг обычно запрещены. Возможно, речь идет об элементарной опечатке вместо !qāhū (в нашей записи !qāhu⁰); если так, то случай полностью регулярен согласно правилу (б). С другой стороны, отсутствие назализации в ед.ч. при наличии в мн.ч. зафиксировано также в паре //nāu – //nā⁰-tê «палочка для помешивания чего-л.».

Б) Наоборот, в одном случае назализация исчезает в форме мн.ч.: !gú?u⁰ – !gú?a-nî «вид растения с пахучими луковичками».

В) Совершенно особая форма мн.ч. у слова !nū⁰ «большая дрофа» – !nūna. Здесь в мн.ч. проявляется палатальный сонант -ń-, однако вероятность его суффиксального характера ничтожно мала, т.к. аналогичных случаев (в других классах, см. ниже) насчитывается не более двух-трех. Мы будем считать -ń- частью корня, а форму ед.ч. закономерным результатом преобразования исходной структуры *!niń-u > !nu⁰-u > !ni(u)⁰, т.е. постулировать развитие «-ń- > назализация предшествующего гласного» перед суффиксальным -и.

Мнимыми исключениями являются пары Onú⁰ – Onà⁰-tê «вошь»; gOqhú⁰ – gOqhà⁰-tê «вид дикой смородины». Мы ожидали бы скорее *Onúa⁰-tê и *gOqhúa⁰-tê; однако в обеих этих формах на вокализм оказывает влияние начальный лабиальный кликс, в результате чего губной глайд -и- в начале сочетания сливается с согласным и элиминируется. Лабиальные кликсы в !хонг вообще достаточно часто модифицируют исходный вокализм (ср. развитие -а- > -и- в форме Onûm, 3.5.2).

Всего насчитывается 2 исключения (//nāu, !gú?u⁰) при 15 регулярных случаях, включая !qāhū (= !qāhū?) и !nū⁰ < *!nińu.

3.3.3. Ауслат на -о

Все имена имеют исключительно структуру CV, с единственным правилом образования формы мн.ч.: C(o)o⁰ > Coa⁰, т.е. заменой конечного -о на -а. Все основы 1-го класса на -о, кроме одной, имеют назализованный гласный.

Ср.: !ðho⁰ > !ðha⁰-tê «вена»; Ogd⁰ > Oga⁰-tê «съедобная гусеница»; gOkx?ó⁰ – gOkx?á⁰-tê «муха»; ‡góh?o⁰ – ‡góh?a⁰-tê «личинка».

Исключения. А) Два слова в мн.ч. почему-то согласуются по 2-му классу: gðho⁰ – gðha⁰-tê «гной»; |kx?ð⁰ > |kx?ða⁰-tê «уголь».

Б) Единственная неназализованная основа на -о – !gôo «дающий» – образует мн.ч. !gûp-sâ. Здесь, скорее всего, налицо супплетивизм.

3.3.4. Ауслат на носовые сонорные

Большинство основ 1-го класса, оканчивающихся на -т, -н, образуют мн.ч. путем присоединения суффикса -а (в 1-м классе всегда сопровождаемого продуктивным суффиксом -tê).

Ср.: !ùhm – !ùhma-tê «вид совы»; !nám – !náma-tê «опушка»; !ná?m – !ná?ma-tê «вид растения»; !qhàn – !qhàna-tê «луна»; !nán – !nána-tê «цикада» и т.п.

Исключения. А) По 2-му классу мн.ч. образуют слова !gàtm – !gàma-tê «складка кожи»; !gàtm – !gàma-tê «свежесохшее дерево».

Б) В четырех случаях конечный *-m* ведет себя, как отделяемый суффикс: gqhám – gqháa-tê «вид растения с большими луковицами»; nām – nāa-tê «*Dipcadi marlothii*»; dām – dā^0 (2) «удовлетворение от еды»; ?nāhm – $\text{?nāha}^0\text{-tê}$ «бычья жаба». Модель здесь представлена одна и та же для всех четырех слов: $\text{CV-m} > \text{CV-a}$ (см. 3.4.2 относительно причин появления в формах dā^0 , $\text{?nāha}^0\text{-tê}$ назализации), однако она явно не укладывается в общую парадигматическую схему 1-го класса. В п. 2.3 мы уже говорили, что такие случаи с исторической точки зрения могут представлять собой «инвертированные» формы мн.ч., т.к. соответствие «ед.ч. CV-a – мн.ч. CV-m » является абсолютно регулярным для 2-го и 3-го классов. На синхронном уровне, однако, нам придется все же для этих случаев приписывать суффиксу *-m* значение ед.ч.

В) Абсолютно уникальным выглядит соотношение ед.ч. !gàn (1) – мн.ч. !gàba-tê (1) «опознавательный знак». Единственный выход – считать данную парадигму супплетивной, а форму !gàba-tê образованной от незасвидетельствованного ед.ч. *!gà-i .

Г) Единственная основа 1-го класса на *-on* образует мн.ч. следующим образом: !xón – $\text{!xóa}^0\text{-te}$ «неотравленный наконечник стрелы». В целом этот случай аналогичен группе исключений (Б), т.е. может рассматриваться как «инвертированное» мн.ч. $\text{!xó}^0 + -n > \text{!xón}$ от ед.ч. $\text{!xo}^0 + -a > \text{!xóa}^0$.

Всего насчитывается 3 исключения и 5 случаев «альтернативной модели *-m*, *-n* > *-a*» на 31 полностью регулярный случай.

3.3.5. Ауслаут на *-e*

В 1-м классе зафиксирован только для одного случая: !qùe (1) – !qùm-kà-tê «вид кобры». Замена *-e* на *-m* вполне регулярна (см. ниже), но причина отнесения слова к 1-му классу совершенно непонятна.

3.3.6. Выводы

Основная масса имен 1-го класса четко распадается на две группы: (а) с отделяемым классным показателем и (б) без классного показателя.

Отделяемых классных показателей следует выделять два: *-i* (для основ с ауслаутом на *-i*) и *-u/-o* (для основ с ауслаутом на *-u*, *-o*). При этом алломорфы *-u* и *-o* находятся в дополнительном распределении в зависимости от гласного корня; там, где в корне представлен *-a-* или *-u-*, выбирается вариант *-u*, там, где в корне налицо *-o-*, выбирается *-o-*. Такое решение принимается на основании отсутствия в !хонг сочетания *ou* (то есть любое *-ou-* автоматически > *-oo-*) и в целях общей экономности системы.

Правило образования мн.ч. для всех основ с отделяемым классным показателем можно обобщить в виде $\text{-i, -u/-o} > \text{*wa}$, со следующими морфонологическими преобразованиями: 1) $\text{-awa} > \text{-aba}$; 2) $\text{-uwa} > \text{-ua}$; 3) $\text{-bwa, -lwa} > \text{-bu, -lu}$; 4) $\text{-ñwa} > \text{-ña}$; 5) $\text{-auwa} > \text{-aa}$; 6) $\text{-owa} > \text{-oa}$.

Группа (б) представлена основами типа CVm, CVn , с общим правилом образования мн.ч. в виде $\text{-o} > \text{-a}$. (В принципе можно было бы объединить оба правила, предположив гипотетическое развитие $\text{*CVm-wa, *CVn-wa} > \text{CVm-a, CVn-a}$; учитывая, однако, что $\text{-bwa, -lwa} > \text{-bu, -lu}$, хотелось бы в таком случае ожидать скорее $\text{-mwa, -nwa} > \text{-mi, -ni}$. К тому же, как будет показано ниже, основы на сонорный ведут себя особым образом не только в 1-м классе, но и во всех остальных.) В редких случаях представлен также особый подтип $\text{CV-m, CV-n} > \text{CV-a}$, где *-m* и *-n* – отделяемые суффиксы.

3.4. Кумулятивные и смешанные способы образования мн.ч. от имен 2-го класса

Несмотря на то, что во 2-м классе представлены все возможные типы основ, в целом к нему относится значительно меньше имен, чем к 1-му или 3-му, что в целом со-

гласуется с гипотезой о маркированном значении «неотчуждаемости» как об исконной характеристике 2-го класса. Абсолютное большинство имен 2-го класса в мн.ч. также согласуется по 2-му классу.

3.4.1. Ауслаут на -a

Основы типа CV образуют мн.ч. путем замены конечного -a на сонорный -m или -n, без каких-либо следов распределения. Во многих случаях при этом в ед.ч. наблюдается назализация, исчезающая в формах мн.ч.; с нашей точки зрения, это связано с морфонологическим запретом на последовательность «назализованный гласный + носовой согласный», т.е. в ед.ч. назализация характеризует корень, а в мн.ч. закономерно нейтрализуется в соответствующем контексте. Ср.:

мн.ч. на -m: !nàa – !nàm-tê «сосуд»; †â⁰ – †âm-tê (< *†â⁰m-tê) «кость»; ?|nù⁰ – ?|nùm-tê (< *?|nù⁰m-tê) «спор»; †qhâ⁰ – †qhâm-tê «отравленная стрела»; ?!nù⁰ – ?!nùm-sá⁰ «часть корня (у дерева)»;

мн.ч. на -n: |nàha – |nàhn-sà «привычка»; |?à⁰ – |?àn-tê (< *|?àn-tê) «огонь»; g!qhà⁰ – g!qhàn-sà «игла (дикобраза)»; !ná⁰ – !nán-sá⁰ «дух»; †à⁰ – †ân-sà «язык (речь)»; †ù⁰ – †ùn-sà «место».

Основы типа CVCV образуют мн.ч. путем апокопирования конечного гласного (с сопутствующим морфонологическим чередованием -l- > -n, -b- > -m, -ń- > -n), ср.:

!àhla – !àhn-kà-tê «вид дерева»; †qhàla – †qhàn-tê «нога (неотчужд.)»; !gāba – !gām-tê «фасция»; !nōh?ná – !nōh?n-tê «почка»; //ú?ná – //ú?n-tê «легкое».

Исключения. А) В одном случае форма мн.ч. согласуется по 4-му классу: g//qhàa – g//qhàm-tê «стрела с костяным наконечником».

Б) Слово tхóпа «внутренности, наполненные неперсваренной зеленью» образует нерегулярное мн.ч. tхúа⁰-tê (вместо ожидаемого *tхón). По всей видимости, -na является здесь отделяемым суффиксом, сочетающимся с корнем tхó⁰-; случай, однако, уникален, как в силу невстречаемости суффикса -na в других основах, так и в силу странного вокалического чередования -o-/-u-.

Всего насчитывается 16 полностью регулярных случаев при двух исключениях.

3.4.2. Ауслаут на -e

Общее правило такое же, как и в предыдущем случае, т.е. основы типа CV-e > мн.ч. CV-m или CV-n без видимого распределения. Ср.:

мн.ч. на -m: †qháe – †qhám «Terminalia sericea»; !ùe – !ùm-tê «ягодица (неотчужд.)»; †âe⁰ (= †â⁰-e) – †âm-tê (< *†â⁰-m-tê) «челюсть»; †ûe – †ûm-sâ «рот»; мн.ч. на -n: //gāhe – //gāhn-sa «подгрудок».

Исключения. А) В одном случае мн.ч. согласуется по 3-му классу: //nāh?e – ?//nāh?m-tê «возвышение, платформа».

Б) Слово †gèhe⁰ «львиный коготь» имеет мн.ч. †gèhña. Эта парадигма практически идентична разбиравшейся в 3.3.2 парадигме !nū⁰ – !nūña, и здесь также на основании формы мн.ч. следует выделять корень †gèhñ-. Проблема лишь в том, что исходная форма ед.ч. в этом случае должна была бы иметь вид *†gèhñ-e или даже †gèhñ-j-e (см. 3.5.2). Учитывая, что форму !nū⁰ мы возводили к *!nūñ-u, вероятно, что и здесь форму †gèhe⁰ следует выводить из *†gèhñ-u с тем же самым морфонологическим чередованием. Таким образом, реально слово †gèhe⁰ следует исключать из данной группы и рассматривать вместе с ауслаутом на -u (3.4.4).

В) Слово tshôe «внутри, внутренняя часть» имеет мн.ч. tshôa⁰-tê; нерегулярными являются назализация и замещение -e на -a. Возможно, что это остаток какой-то сверхархаичной модели (еще два подобных случая имеют место в 3-м классе, см. 3.5.2).

Г) Слово !âe⁰ «имущество, собственность» имеет мн.ч. !âma-tê. Исчезновение назализации перед носовым -m в мн.ч. полностью предсказуемо, однако необъяснимым остается появление в этой форме гласного -a-. Очевидно, речь идет либо об ошибоч-

ной записи (вместо *!âm-tê), либо о супплетивной парадигме, в которой мн.ч. образуется от несуществующей основы ед.ч. *!âm.

Всего насчитывается 5 регулярных случаев при 4-х исключениях (3-х, если не учитывать ꜥgêhe⁰).

3.4.3. Ауслаут на -i

Большинство основ на -i, относящихся ко 2-му классу, образуют мн.ч. по правилам, описанным в 3.3.1. Напомним, что суффикс -i типично характеризует именно 1-й класс, и все случаи его встречаемости во 2-м или 3-м классе с исторической точки вторичны; по крайней мере для части из них такой переход можно мотивировать тем, что слово, изначально «нейтральное» по отношению к критерию отчуждаемости/неотчуждаемости, в какой-то момент приобрело грамматическое значение неотчуждаемости, не изменив при этом свое формальное устройство.

Ср. следующие регулярные случаи: !kxʔái – !kxʔába-tê «корень»; //gái – //gába-tê «самка»; //qái – //qába-tê «ноздры»; //nái – //nába-tê «матка (неотчужд.)»; ꜥgái – ꜥgába-tê «кожа на шее животного (неотчужд.)»; ꜥháí – ꜥhába-tê «зад (неотчужд.)»; !ʔúí⁰ – !ʔúa⁰-tê, !ʔúa⁰-ní «глаз (неотчужд.)».

Исключения. А) Слово ꜥúʔí «жир в области поясницы» имеет мн.ч. ꜥúʔla-tê. Подобное соотношение не наблюдается больше нигде и должно считаться супплетивным (форма ꜥúʔla-tê может быть образована только от *ꜥúʔla).

Б) Слово !ái⁰ «негорящий конец палки» имеет мн.ч. !âma-tê (ср. выше !âe⁰ «имущество» – мн.ч. !âma-tê); еще одна абсолютно нерегулярная парадигма (осложненная тем, что это к тому же единственный случай назализованного сочетания ai⁰ в форме ед.ч.).

В) Слово ʔGǎí «вид кусачей мухи» имеет мн.ч. ʔGǎn-tê. Это единственный раз, когда основа на -i образует мн.ч. по общему правилу 2-го, а не 1-го класса, с заменой конечного гласного на сонорный -n. Такая уникальность заставляет предположить, что форма ед.ч. ʔGǎí здесь вторична (возможно даже, что она ошибочно записана вместо правильного варианта *ʔGǎe).

Г) Слова ꜥxúbí «лучевая кость (неотчужд.)», ꜥnámi «отросток поясничного позвонка» имеют формы мн.ч. соответственно ꜥxúba-tê, ꜥnáma-tê вместо ожидаемых *ꜥxúbu-tê, *ꜥnámu-tê. Отметим, впрочем, что модель «ед.ч. CVm-i – мн.ч. CVm-u» является скорее гипотетической, предполагаемой по аналогии с реально зафиксированными моделями «ед.ч. CVb-i – мн.ч. CVb-u», «ед.ч. CVl-i – мн.ч. CVl-u». На самом деле все имена типа CVmi образуют мн.ч. аддитивным способом (ср. |qómi «комар» – |qómi-tê, //nùʔmi «хрящ» – //nùʔmi-tê и т.п.). Поэтому не исключено, что первоначально приводимые здесь парадигмы имели следующий вид: ед.ч. ꜥxúbí – мн.ч. ꜥxúbu-tê, ед.ч. ꜥnámi – мн.ч. ꜥnáma-tê. Впоследствии из-за тесных семантических связей они перестроились по единой – вторичной – модели CVCi (ед.ч.) – CVCa (мн.ч.).

Всего насчитывается 7 регулярных случаев при 5 крайне разнородных исключениях.

3.4.4. Ауслаут на -u

Сюда относится лишь несколько имен – в основном соматические термины со значением неотчуждаемости. Обычная модель образования мн.ч. та же, что и у соответствующих имен 1-го класса (см. 3.3.2).

Ср.: |àu⁰ – |à⁰ (= |à⁰-a) «хвост (неотчужд.)», также «имя (неотчужд.)» (по-видимому, омонимы); ꜥkxʔàu⁰ – ꜥkxʔà⁰ «шес (неотчужд.)»; //xáu⁰ – //xá⁰-tê «часть спины между лопатками».

Исключения. А) Слово g//xú⁰ «колесо» имеет мн.ч. g//xúla-tê (супплетивизм, отчасти схожий с парадигмой ꜥúʔí – ꜥúʔla-tê, см. 3.4.3).

Б) Слово ꜥnú⁰ «нога (неотчужд.)» образует мн.ч. ꜥnúma-tê, как будто бы от несуществующей формы ед.ч. *ꜥnúm.

Выше было показано, что почти все случаи ауслаута на -o в 1-м классе с точки зрения морфонологии можно трактовать как дистрибуционные варианты ауслаута на -и (т.е. -o- корня + -и суффикса стягиваются в -o). Это делается прежде всего в целях экономии, т.к. в противном случае нам пришлось бы выделять в !хонг особый суффикс -o, представленный лишь в очень небольшом количестве имен. В целом то же самое можно проделать и с основами на -o 2-го класса, где этот тип ауслаута имеют только четыре имени.

а) $\neq n\bar{o}$ – $\neq n\bar{o}n$ -tê «ритуальная смесь». Здесь налицо та же модель, что и при конечном -a (3.4.1); в связи с этим морфонологически форму $\neq n\bar{o}$ можно анализировать как стяжение из $*\neq n\bar{o}$ -a (дифтонг - $\bar{o}a$ - в !хонг практически отсутствует).

б) $!x\bar{o}^0$ – $!x\bar{o}^0na$ -tê «человек !хонг». Та же модель, что и в $!n\bar{u}^0$ – $!n\bar{u}^0na$ (3.3.2), $\neq g\bar{e}he^0$ – $\neq g\bar{e}hna$ (3.4.2); инлаутный -n- в форме мн.ч. считается корневым, исходная форма ед.ч. восстанавливается как $*!xon$ -и.

в) $\neq G\bar{o}lo$ – $\neq G\bar{o}n$ -sâ «вид ящерицы». Структура типа CVCV с регулярной апокопой конечного гласного. Любопытно, что все имена, имеющие во втором слоге - lu , образуют мн.ч. исключительно аддитивным способом (напр., $//G\bar{o}lu$ – $//G\bar{o}lu$ -te «вид алоэ» и др.); помимо этого, они также статистически гораздо более редки, чем имена на - lo (восемь имен на - lu при более чем 20 именах на - lo). Можно предположить, что все пары типа $//G\bar{o}lu$ – $//G\bar{o}lu$ -tê исторически представляют собой результат аналогического выравнивания из $*//G\bar{o}li$ – $//G\bar{o}lu$ -tê (см. описание модели в 3.3.1); в таком случае гласный -o в последовательности - lo опять-таки оказывается вариантом суффиксального -и в корнях типа CVCV.

г) $!a\bar{o}^0$ – $!a\bar{o}^0$ -tê «большой мешок». Здесь нужно постулировать либо апокопу гласного -o, либо замену -o на -a; учитывая, что апокопа характерна скорее для структур типа CVCV, мы склоняемся в пользу второго варианта. Случай, тем не менее, достаточно уникален, и вряд ли на его основании имеет смысл специально постулировать отдельный суффикс -o.

3.4.6. Ауслаут на носовые сонорные

Эти основы в целом ведут себя так же, как и в 1-м классе, т.е. общее правило образования мн.ч. – CVm , $CVn > CVm$ -a, CVn -a.

Ср.: $?|n\bar{u}m$ – $?|n\bar{u}ma$ -tê «горло (неотчужд.)»; $!n\bar{a}m$ – $!n\bar{a}ma$ -tê «кровь»; $//a\bar{m}$ – $//a\bar{ma}$ -tê «младенец, отнятый от груди»; $dz\bar{u}m$ – $dz\bar{u}ma$ -tê «верхняя губа»; $?|n\bar{a}n$ – $?|n\bar{a}na$ «язык» (редкий случай чисто кумулятивного образования); $//\bar{o}hn$ – $//\bar{o}hna$ -tê «позвоночник (неотчужд.)»; $\neq n\bar{u}n$ – $\neq n\bar{u}na$ -tê «пупок» и т.п.

Исключения. А) По 4-му классу согласуется форма мн.ч. от слова $//g\bar{a}^0m$ – $//g\bar{a}^0ma$ -tê «ноготь».

Б) Как и в 1-м классе, ряд имен трактует конечный сонорный как отделимый суффикс, образуя мн.ч. по модели CVm , $CVn > CV(\bar{o})$ -a (назализация, как обычно, интерпретируется нами как часть корня, в ед.ч. нейтрализуемая перед носовым согласным). Ср.: $//n\bar{a}m$ – $//n\bar{a}a$ «печень (неотчужд.)»; $t\bar{a}m$ – ta^0 «сам»; $|q\bar{h}a\bar{n}$ – $|q\bar{h}a^0$ «нижняя часть ноги (неотчужд.)»; $|n\bar{a}n$ – $|n\bar{a}^0$ «голова (неотчужд.)»; $|n\bar{a}n$ – $|n\bar{a}^0$ «язык». На достаточную архаичность таких случаев косвенно указывает тот факт, что ни в одном из них не представлена смешанная модель мн.ч., т.е. отсутствуют формы типа $*//n\bar{a}a$ -tê, $*|n\bar{a}^0$ -tê, а также дублетные формы типа $?|n\bar{a}n$ – $?|n\bar{a}^0$ и $?|n\bar{a}na$ (второй вариант образован по более продуктивной модели и поэтому, скорее всего, вторичен).

3.4.7. Выводы

Во 2-м классе можно достаточно четко выделить три типа основ:

а) основы с «родным» ауслаутом – на гласные -a и -e. Такие основы практически не встречаются в 1-м классе, а основной способ образования от них форм мн.ч. – с замс-

ной конечных гласных на *-m* и *-n* – 1-му классу неизвестен в принципе (за исключением разве что нерегулярной пары *|gôo – |gûn-sâ*);

б) основы с «чужеродным» ауслаутом – на гласные *-i*, *-u*, *(-o)*. Эти основы, наоборот, характерны преимущественно для 1-го класса, и в подавляющем большинстве случаев образуют формы мн.ч. по тем же способам, что и в 1-м классе. Можно предположить, что переход их во 2-й класс когда-то был семантически мотивированным, учитывая, что многие из них обозначают неотчуждаемые части тела;

в) основы с «классно-нейтральным» ауслаутом на сонорные *-m*, *-n*, также мало чем отличающиеся по своим парадигматическим характеристикам от соответствующих основ 1-го класса, но, в отличие от «чужеродных» основ, достаточно равномерно распределенные по обоим классам.

3.5. Кумулятивные и смешанные способы образования мн.ч. от имен 3-го класса

С точки зрения устройства парадигмы 3-й класс безусловно ближе ко 2-му, чем к 1-му. Основные различия между 2-м и 3-м классом лежат в области семантики (к 3-му классу относится скорее «отчуждаемая» лексика) и статистики (к 3-му классу относится в целом гораздо больше имен, чем ко 2-му; особенно бросаются в глаза количественные различия между инвентарем основ с конечным *-e*).

Отметим, что регулярной – по крайней мере, статистически наиболее частотной – моделью для имен 3-го класса является образование мн.ч. по 2-му классу. Довольно значительное количество имен 3-го класса, впрочем, не меняет класс при переходе в мн.ч. Думается, что с исторической точки зрения такая ситуация вторична (и легко объясняется аналогическим выравниванием парадигмы); однако единственная закономерность, которую удастся установить – это то, что имена, для которых категория отчуждаемости является словоизменительной, в «отчуждаемом» статусе всегда образуют мн.ч. по 3-му классу. О нестабильности данного соотношения может свидетельствовать хотя бы тот факт, что два диалектных варианта явно одного и того же слова (*//qâba*, *//âba* «*Tribulus terrestris*») отмечены в словаре Трэйлла как образующие мн.ч. соответственно по 2-му (*//qâm-kâ-te*) и 3-му (*//âm-kâ-tê*) классам. Для удобства все формы мн.ч. ниже будут приводиться с обязательным указанием класса.

3.5.1. Ауслаут на *-a*

Как и в случае 2-го класса, мн.ч. здесь регулярно образуется путем замсны конечного *-a* на носовые сонорные *-m*, *-n*, с неясным распределением. Основы CVCa образуют мн.ч. путем апокопы конечного гласного и регулярных морфонологических чередований. Ср.:

мн.ч. на *-m*: *//âa – //âm* (2) «татуировка»; *|gûa – |gûm-tê* (2) «подстилка»; *≠núa – ≠núm-sá⁰* (2) «дубина»; *|gûa – |gûm-tê* (3) «несчастье»;

мн.ч. на *-n*: *//qhâa – //qhân* (2) «палка-копалка» (кумуляция!); *?|núa⁰ – ?|nún-sâ* «совокупление»; *!qhá⁰ (= !qhá⁰-a) – !qhán-sá⁰* (2) (< **!qhá⁰-n*) «щедрость»; *sòo |?ûa – sòo |?ûn-sâ* (3) «знахарь»;

мн.ч. от основ на *-la*: *≠xâla – ≠xân-tê* (2) «выжженная степь»; *?|núla – ?|nún-sá⁰* (2) «вид растения»; *≠qhâla – ≠qhân-tê* (3) «нога (отчужд.)»;

мн.ч. от основ на *-ba*: *//âba – //âm-ká-tê* (2) «черная малая дрофа»; *≠Gâba – ≠Gâm-tê* (3) «стенка желудка».

Исключения. А) В двух случаях в словаре зафиксировано редчайшее образование форм мн.ч. по 1-му классу: *!ûla – !ûn* «вид дерева; колчан»; *g!kx?âla – g!kx?ân* «кожаный ремень».

Б) Слово *//qhâa* «вид акации» образует уникальное мн.ч. *//qhá⁰* (2); при условии правильной записи это не может быть ничем, кроме супплетивизма (напр., от основы ед.ч. **qhán*).

К этой группе относится основной массив слов 3-го класса; неслучайно суффикс -e был отмечен Трэйллом как характеризующий именно этот класс (несмотря на то, что он нередко встречается и у имен 2-го класса). Общие правила образования мн.ч. здесь такие же, как и у основ на -a; отметим, однако, что для основ на -e гораздо более характерно правило -e > -m, нежели -e > -n. Примеры:

а) структуры типа CVe с мн.ч. на -m: |qáe – |qám (2) «человек нама»; //núe – //núm (2) «черепаха»; |núe – |núm-tê (2) «ночь»; ?//náhe – ?//náhm-sá (2) «негодный человек»; ‡qhùe – ‡qhùm-tê (3) «ветер» и т.п.;

б) структуры типа CVe с мн.ч. на -n: ?‡náhe – ?‡náhn-tê (2) «кожаный мешок»; //áe⁰ – //án-sá (3) «рог»;

в) структуры типа CVle с мн.ч. на -n < *-l: |núle – |núp (2) «камень»; gúle – gúp (2) «кора»; !núle – !núp-sá⁰ (2) «страна»; //qúle – //qúp-sá (2) «ноготь, копыто» и т.п.;

г) структуры типа CVhe с мн.ч. на -m < *-b: !kx?ábe – !kx?ám-sá⁰ (2) «вид дерева»; !nóbe – !nóm-sá⁰ «вид лягушки» (2); //nàhe – //nàhm-kâ-tê (3) «желтый мангуст» и т.п.

В несколько особом положении оказываются двусложные основы на -je. Здесь можно выделить три основные модели:

CVje > CV-m, ср. |kx?áje – |kx?ám (2) «муравьед»; ‡núje – ‡núm (2) «мышь»; qúje – qúm (2) «страус»; |qhùje – |qhùm-tê «пчела, мед» (2);

CVje > CV-n, ср. g!xâ?je – g!xâ?n-sá (2) «вымя»;

CVje > CV⁰, ср. ?Onàje – ?Onà⁰ (2) «дерево»; возможно, также Oàje «мясо» – Oà⁰ «стадо антилоп, мясо (собр.)».

Первые две группы примеров устроены так же, как и |qáe – |qám, etc., т.е. заменяют конечный гласный на носовой сонант. Можно было бы в связи с этим рассматривать согласный -j- как просто вставной элемент, разделяющий две гласные; однако такая интерпретация противоречила бы регулярным случаям типа |núe – |núm-tê, где никакого вставного гласного нет. Необходимо поэтому считать -j- такой же частью корня, как и интервокальные -l-, -h- в основах типа CVCV; в отличие от этих согласных, однако, с точки зрения образования мн.ч. формы на -je должны скорее объединяться с формами 3-го класса на -a и -e с предшествующим гласным.

Иначе устроены два последних случая, где -je заменяется на назализацию гласного. Для того, чтобы понять их принципиальное отличие, нужно учесть, что в !хонг категорически запрещено сочетание -ñe-; если предположить, что ?Onàje < *?Onàñ-e, Oàje < *Oañ-e³, то при условии выполнения общего правила «апокопа конечного гласного в формах мн.ч. от основ CVCV» формы мн.ч. от этих существительных должны были бы выглядеть как *?Onàñ, *?Oañ. Однако в ауслаутной позиции палатальный -ñ также запрещен, и ничто не препятствует нам предположить, что при условии попадания его в эту позицию он закономерно должен развиваться в назализацию предшествующего гласного. Таким образом, несмотря на то, что аллофон -ñ- не зафиксирован в этих словах ни в ед.ч., ни в мн.ч., с его помощью удастся ввести приводимые здесь формы в рамки общей системы.

Исключения. А) Слово Onàe «вид дикого съедобного огурца» образует мн.ч. Onùm (2) вместо *Onâm. Такая модель образования мн.ч. не представлена больше нигде; не подлежит сомнению, что речь здесь идет об элементарной ассимиляции *Onâm > Onùm под воздействием двух окружающих губных согласных (лабиального кликса и конечного губного сонанта -m).

Б) Слова dzùhe «дыра», gúe «кокон» образуют мн.ч. dzùha⁰ (2), gùa⁰ (2). Ср. tshôe – tshôa⁰-tê (3.4.2). Очевидный параллелизм между этими тремя случаями заставляет го-

³ О наличии в !хонг морфонологического чередования -ñ- ~ -j- убедительно свидетельствуют формы, образованные от глагольных корней с соответствующей морфемой: ср., напр., от глагола !aJV «нести на плече»: !aj-i (1-й класс), !aj-e (3-й класс), !aj-u (4-й класс), но !añ-a (2-й класс).

ворить о регулярности модели, однако предложить для нее убедительную интерпретацию пока не удается.

В) Слово [hābe «лук (оружие)» образует мн.ч. [hàn (2) вместо ожидаемого *[hām. Абсолютно уникальный случай супплетивизма; форма [hàn скорее должна была бы отражать исходное ед.ч. *[hāle. Отметим также довольно редкое для !хонг несоответствие тональных характеристик форм ед. и мн.ч.

Г) Слово //nāe «дом» образует мн.ч. //nāa (3); супплетивизм опять-таки просматривается в том числе и в несоответствии тональных параметров.

Всего, таким образом, налицо четыре полностью нерегулярных случая при 39 регулярных.

3.5.3. Ауслат на -i

Сюда относятся всего четыре слова, причем три из них являются парными к соответствующим «неотчуждаемым» формам 2-го класса (см. 3.4.3):

//nái – //nába-tê (3) «матка (отчужд.)»; ‡gái – ‡gába-tê (3) «кожа на шее животного (отчужд.)»; ‡háí – ‡hába-tê (3) «зад (отчужд.)»; а также //āhi – //āhba-tê (4) «взрослый самец антилопы дукер».

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях формы мн.ч. образуются по правилам 1-го – 4-го классов. Вторичность принадлежности слова //āhi к 3-му классу доказывается также тем, что се мн.ч. согласуется по 4-му классу, что совершенно несвойственно «исконным» именам 3-го класса.

3.5.4. Ауслат на -u

Этот тип ауслата в 3-м классе также имеют всего несколько существительных, однако характеристики их достаточно разнородны. Ср. следующие подтипы:

а) [qhūu – [qhūm-tê (2) «тарантул»; //gūhu – //gūhm-tê (4) «хамелеон». Здесь налицо замена конечного -u на -m (теоретически, по-видимому, возможны и формы мн.ч. на -n, однако реально ни одной не засвидетельствовано);

б) [āu⁰ – [ā⁰ (3) «имя (отчужд.)», «хвост (отчужд.)»; ‡kx?āu⁰ – ‡kx?ā⁰ (3) «шея (отчужд.)». Это – парные формы к соответствующим неотчуждаемым формам 2-го класса, см. 3.4.4;

в) //qhū⁰ – //qhūná (2) «жираф». Случай полностью аналогичен описанным выше в 3.3.2, 3.4.2, 3.4.5 (при условии выделения корня //qhūñ-).

3.5.5. Ауслат на -o

Сюда относятся также лишь четыре слова, при этом два из них в ед.ч. расширены за счет деривационного суффикса -sè:

Ogòo – Ogòm-kà-tê (2) «душистое дерево»; !ào-sè – !àm-kà-tê (2) «вид шакала»; [nūlo – [nūp-sà (2) «вид клубня»; !gālo-sè – !gān-kà-tê (2) «медосед».

Для трех из них опять-таки можно предположить вторичность -o (Ogòo < *Ogòu; формы на -lo < -lu); на особом положении остается лишь форма !ào-sè, где, впрочем, дополнительные трудности связаны с наличием в ед.ч. дериватемы -sè и с отсутствием ее в форме мн.ч. (супплетивизм?).

3.5.6. Ауслат на носовые сонорные

Здесь, как и в двух других классах, представлены «полная» модель CVm, CVn > CVm-a, CVn-a и «усеченная» модель CVm, CVn > CV⁽⁰⁾; относительно интерпретации см. 3.4.6, ниже мы приводим только сам материал.

«Полная» модель: ?[núm – ?[núma-tê (3) «горло (отчужд.)»; g!kx?ùm – g!kx?ùma-tê (3) «жила»; //?ân – //?âna-tê (2) «солнце»; //ōhn – //ōhna-tê (3) «позвоночник (отчужд.)»; //kx?ân – //kx?âna (2) «желудок»; ‡?ân – ‡?âna (2) «penis».

«Усеченная» модель: //nām – //nā⁰ (3) «печень (отчужд.)»; [qhān – [qhā⁰ (3) «нижняя часть ноги (отчужд.)»; [nān – [nā⁰ (3) «голова (отчужд.)».

Исключения. А) Слово !gùm – !gùma-tê «челюстная мышца» в мн.ч. согласуется по 4-му классу.

Б) Слово //âp «Raphionaste burkeii» образует мн.ч. //âpa (2) вместо ожидаемого */âpa- (уникальный случай).

В) Слово #qhûn «Boscia albitrunca» образует мн.ч. #qhûm-tê (4); случай также уникален.

3.5.7. Выводы

Для 3-го класса, точно так же как и для второго, можно выделить «родные» суффиксы (-a, -e), «чужеродные» (-i, -u) и «классно-нейтральный» ауслаут на -m, -n. Несколько запутанной выглядит ситуация с ауслаутом на -u (и -o), т.к. небольшая часть имен с этим ауслаутом ведет себя так, как будто бы он был для этого класса «родным» (случаи типа |qhûu – |qhûm-tê и т.п.). Возможно, следует на самом деле выделять два суффикса -u: -u₁ для 1-го класса, в мн.ч. заменяемый на алломорфы показателя -wa, и -u₃ для 3-го класса, в мн.ч. заменяемый на морфемы -m или -n. К сожалению, в нашем распоряжении слишком мало материала, чтобы окончательно убедиться в правомерности такого разделения.

4. ПРОБЛЕМА ТОНАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Прежде чем переходить к окончательным выводам, необходимо хотя бы вкратце остановиться на еще одной грамматической особенности именных парадигм !хонг, а именно проблеме так называемых тональных классов.

Э. Трэйлл определяет тональные классы как классифицирующую категорию для именных основ !хонг, значение которой определяется исходя из общего тонального рисунка той части фразы, которая следует непосредственно за соответствующей основой и согласуется с ней по именному классу. Он выделяет два тональных класса – первый (I), задающий ровную интонацию, и второй (II), задающий восходяще-нисходящую интонацию. Ср. следующие примеры [Traill 1994: 24]:

тональный класс I:

kxʔâje	tēʔē	!xāe
муравьед	этот	большой

тональный класс II:

//kxʔúi	tíʔi	!xāe
клещ	этот	большой

Подчеркнем, что тональный класс существительного не имеет непосредственного отношения к собственно тону этого существительного, т.е. просодеме, определенной на существительном вне зависимости от контекста. Так, в приведенных выше примерах слово |kxʔâje имеет средний нисходящий тон, а слово //kxʔúi – высокий восходящий. Однако, например, слово ʔpâta «ляжка», также со средним нисходящим тоном, в словаре Трэйлла отмечено как принадлежащее к тональному классу II; а слово |qâc «человек на-ма», с высоким восходящим тоном, наоборот, относится к тональному классу I.

По-видимому, закономерности, которая определяла бы соотношение тональных характеристик существительных с характеристиками согласующихся с ними зависимых слов, действительно не существует. Однако можно выделить некоторые регулярные соотношения между тональными классами и согласовательными классами, не упомянутые в кратком грамматическом очерке Трэйлла. Эти соотношения таковы:

1) Подавляющее большинство имен как 1-го класса (ед.ч.), так и 4-го класса (мн.ч.) относится к тональному классу II (шесть примеров на класс I при более чем 200 на класс II).

2) Слова 2-го класса как в ед., так и в мн.ч. гораздо чаще относятся к тональному классу II, чем к тональному классу I. При этом к тональному классу I регулярно относятся слова 2-го класса, представляющие собой формы мн.ч. от слов 3-го класса; а к тональному классу II относится абсолютное большинство слов 2-го класса, образуя-

щих мн.ч. кумулятивным или смешанным способом, т.е. наиболее архаичные в морфологическом отношении лексемы.

3) Напротив, 3-й класс обнаруживает достаточно тесную связь с тональным классом I. При этом статистика все равно показывает, что больше половины имен 3-го класса (220 случаев) относятся к тональному классу II. Однако при более чем 150 случаях тонального класса I он все же оказывается полнее всего представленным именно в 3-м согласовательном классе. В частности, тональный класс I свойственен почти всем существительным с ауслаутом на -e, образующим мн.ч. по кумулятивной или смешанной модели (наиболее «чистый» случай 3-го класса).

Отметим также, что там, где категория отчуждаемости является для лексемы словоизменительной, «отчуждаемая» форма 3-го согласовательного класса неизменно относится к тональному классу I, а «неотчуждаемая» форма 2-го согласовательного класса – к тональному классу II.

При детальном анализе материала, проведенном выше, мы намеренно отказались от того, чтобы сопровождать его столь же детальным разбором тональных характеристик. Это связано с тем, что, несмотря на описанные выше статистические закономерности, полной регулярности при выборе той или иной тонально-классной характеристики все же не наблюдается, и введение тонального класса как дополнительного параметра для классификации способов образования множественного числа лишь усложнило бы и без того запутанную систему. К тому же кажется маловероятным, чтобы тональный фактор мог как-то помочь правильной интерпретации сложных вопросов, обсуждавшихся выше. Так, слово $\neq u\epsilon$ «кобра», принадлежащее к I-му классу несмотря на суффикс -e, также относится и к тональному классу I (в противном случае можно было бы утверждать, что соотнесение его с тональным классом II является следом его былой принадлежности к 3-му согласовательному классу) и т.п.

Тем не менее, не исключено, что более тщательный анализ тональных характеристик именной лексики !хонг все же способен прояснить отдельные неясности в сегментной структуре некоторых словоформ; представляется, однако, что здесь большую роль способен сыграть скорее детальный учет тонов, определенных на самих словоформах, чем тонального рисунка, заданного на зависимых словах.

Подробнее о системе тонов и взаимодействии тональных характеристик соседних морфем в !хонг см. [Traill 1977].

5. ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Суммируем выведенные нами способы образования мн.ч. в виде следующей таблицы⁴:

Тип ауслаута	«Родной» класс	«Чужеродные» классы	Мн. ч.	Класс мн. ч.
#i	1	2, 3	#wa (>-ba, -a, -u)	4
#u ₁ (вар. #o)	1		#wa (>-a)	4
[V]#a	2, 3		#m ~ #n	2 (3)
[V]#e	2, 3	1	#m ~ #n	2 (3)
R#a, R#e	2, 3		-R#0	2 (3)
#u ₃	3, (2?)		#m (~#n?)	2
-m#0, -n#0	1, 2, 3		-m#a, -n#a	4, 2

⁴ Пояснения к таблице: # – граница между морфемами; _{1,3} – индекс класса; R – общее обозначение для сонорных согласных; > – обозначение перехода от морфологического к фонологическому уровню.

К этому относительно небольшому набору правил сводится почти все разнообразие форм множественного числа !хонг (имеются в виду, разумеется, кумулятивный и смешанный типы). «Идеальную» систему можно, таким образом, представить в следующем виде:

А) Лексика, классифицируемая по признаку «отчуждаемость». Согласовательные классы – в ед.ч. 2-й для «неотчуждаемых» имен, 3-й для «отчуждаемых»; в мн.ч. 2-й класс и для тех, и для других. Формальные признаки в ед.ч. – классные суффиксы *-a*, *-e*, *-u₃*. Формальные признаки в мн.ч. – замена *-a*, *-e*, *-u₃* на *-m*, *-n* (в односложных основах) или на нуль (в двусложных).

Б) Лексика, не классифицируемая по признаку «отчуждаемость». Согласовательные классы – в ед.ч. 1-й, в мн.ч. 4-й. Формальные признаки в ед.ч. – классные суффиксы *-i*, *-u₁*. Формальные признаки в мн.ч. – замена *-i*, *-u₁* на алломорфы морфемы *-ia*.

В) «Внеклассовая» лексика. Согласовательные классы – любые. Формальные признаки в ед.ч. – исход корня на сонанты *-m* или *-n*. Формальные признаки в мн.ч. – суффикс мн.ч. *-a*, присоединяемый непосредственно к корню.

Отметим, что формальное маркирование 2-м классом (т.е. согласователем *-a⁰*), с одной стороны, «неотчуждаемых» имен в ед. и мн.ч., с другой – «отчуждаемых» имен в мн.ч., скорее всего, случайно, и здесь не следует искать какой-либо глубинной семантической связи. На такую случайность, в частности, указывает принадлежность имен 2-го класса и 3-го класса мн.ч. к разным тональным парадигмам. Не исключено даже, что на ранней стадии развития !хонг соответствующие согласователи сегментно отличались друг от друга, но к моменту письменной фиксации языка совпали.

Приведенный выше материал в целом показывает, что ни для одного из выделяемых классных суффиксов нельзя предложить сколько-нибудь определенного значения. Очевидно, однако, что если в пределах одного и того же класса могут быть представлены два или более основообразующих суффикса (напр., *-i* или *-u*, *-e* или *-a*), то такие значения у них когда-то были, и вполне вероятно, что к разным корням могли присоединяться разные суффиксы. Остатки этой системы, по-видимому, прослеживаются в тех немногочисленных случаях супплетивизма, которые были подробно рассмотрены выше (типа $\neq\acute{u}i - \neq\acute{u}!a-t\acute{e}$ и т.п.), когда форма мн.ч. явно образована не от зафиксированной формы ед.ч., а от какой-то альтернативной основы.

Не вполне ясной остается причина столь неохотной сочетаемости корней на *-m*, *-n* с классными суффиксами; никаких морфонологических или фонотактических препятствий для образования основ типа *CVmi*, *CVna* и т.п. в !хонг не обнаруживается (более того, зафиксировано достаточно большое число таких основ – но все они образуют мн.ч. только простым аддитивным способом, напр. $[n\acute{a}hna - [n\acute{a}hna-t\acute{e}$ «мякоть», $[q\acute{o}mi - [q\acute{o}mi-t\acute{e}$ «комар» и т.п.). Особый статус этого типа основ подчеркивается и наличием для него специального показателя мн.ч. *-a*, не представленного в основах с вокалическим ауслаутом. Возможно, что на каком-то раннем этапе развития конечные *-m* и *-n* все же могли отделяться от корня, а слова с ними составляли отдельный грамматический класс. Косвенно это подтверждается наличием особого «подтипа» с отделяемыми *-m* и *-n* (см. 3.3.4 и далее), возможно, крайне архаичного, а также данными других южнокойсанских языков (ср., например, !хонг $t\acute{u}m - t\acute{u}ma-t\acute{e}$ «кожа», но $[xam\ ttu^0, //ng\ tu^0, twa^0\ id.$ и т.п.). Однако эта тема уже выходит за рамки данной работы.

Удивителен уже отмечавшийся нами факт, что ни в одном южно-койсанском языке за пределами !хонг не зафиксировано ни каких-либо следов системы согласовательных классов, ни категории «отчуждаемости», ни столь значительного числа грамматических морфем – и это несмотря на то, что по данным лексикостатистики распад праяжно-койсанского вряд ли мог иметь место ранее I тысячелетия до н.э. [Starostin 2003].

Впрочем, основной причиной такого контраста вполне могла быть не столько радикальная перестройка грамматического строя, сколько элементарное несовершенство методов описания, использованных при работе с этими языками исследователями XIX – первой половины XX в. Наглядным свидетельством здесь может выступать ра-

бота Л. Майнгарда [Maingard 1958], представляющая собой первый краткий грамматический очерк нескольких говоров !хонг; в ней ни единым словом не упомянуты ни система классов, ни «отчуждаемость», а все многообразие способов образования мн.ч. сводится к единственному упоминанию суффиксов *-te* и *-ke* (по-видимому, диалектного варианта *-te*) как возможных, но не обязательных показателей мн.ч. Пожалуй, единственным намеком на соответствующие грамматические явления можно считать приводимые автором варианты глагольных основ, напр. |ne, |nei, |ni «видеть» (вероятно, = |na-a⁰, |na-i, |na-e и т.п., т.е. сочетание глагольного корня с согласователем), которые Майнгард, однако, рассматривает просто как нерегулярные вокалические колебания. К сожалению, подобное пренебрежение строгой процедурой лингвистического анализа характерно не только для этого очерка, но и для других описаний койсанских языков, в том числе вымерших – о степени сложности и уникальности фонологической и морфологической структур которых нам остается только догадываться на основании косвенных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bleek 1911 – *W.H. Bleek, L.C. Lloyd*. Specimens of Bushman folklore. London, 1911.
 Bleek 1937 – *D.F. Bleek*. Grammatical notes and texts in the |Auni language // *Bantu studies* (Johannesburg). 1937. 11.
 Bleek 2000 – *D.F. Bleek*. The // N!ke or Bushmen of Griqualand West // *Khoisan forum*, working paper. 2000. № 15.
 Crawhall 2004 – *N. Crawhall*. !Ui-Taa language shift in Gordonia and Postmasburg Districts, South Africa. PhD thesis submitted to the Faculty of humanities. University of Cape Town. Cape Town, 2004.
 Ladefoged, Traill 1994 – *P. Ladefoged, A. Traill*. Clicks and their accompaniments // *Journal of phonetics*. 1994. 22.
 Maingard 1958 – *L.F. Maingard*. Three Bushman languages: the third Bushman Language // *African studies*. 1958. 17.
 Snyman 1970 – *J.W. Snyman*. An introduction to the !Xū (!Kung) language // *Communications from the School of African studies*. 1970. № 34.
 Starostin 2003 – *G. Starostin*. A lexicostatistical approach towards reconstructing Proto-Khoisan // *Mother Tongue*. 2003. VIII.
 Story 1999 – *R. Story*. K'u|ha:si manuscript (MS collections of the Kijhazhi dialect of Bushman, 1937) // *Khoisan forum*. Working paper. 1999. № 13.
 Traill 1977 – *A. Traill*. The tonal structure of !Xō // *Bushman and Hottentot linguistic studies 1975* / Ed. by J.W. Snyman. Pretoria, 1977.
 Traill 1994 – *A. Traill*. A !Xō dictionary. Köln, 1994.
 Vossen 1997 – *R. Vossen*. Die Khoe-Sprachen. Ein Beitrag zur Erforschung der Sprachgeschichte Afrikas. Köln, 1997.